

18+

Константин Будилин

в соавторстве с Натальей Л.

СЕМНАДЦАТЬ МИНУТ ТИШИНЫ

Том I

Константин Будилин
Наталья Л.
Семнадцать минут
тишины. Том I

<https://litres.ru/74503324>

ISBN 9785007126564

Аннотация

Иногда семнадцати минут достаточно, чтобы прошлое вернулось.

Когда в реабилитационном центре «Второе дыхание» гаснет свет, врач Елизавета Морозова оказывается втянута в расследование, ведущее в декабрь 2004 года — к тайне собственного спасения. Вместе с Андреем Лавровым она восстанавливает события, которые кто-то много лет пытался переписать. Это история о памяти и вине, доверии и любви, цене правды и праве заново выбрать свою жизнь.

Содержание

КОНСТАНТИН БУДИЛИН	5
Том I	5
2026	6
Содержание	7
Когда гаснет свет	11
Глава 2	25
Чужим ключом	25
Глава 3	37
Тот, кто заставлял дышать	37
Глава 4	63
Комната без окон	63
Глава 5	91
Резервное питание	91
Глава 6	121
Человек с тростью	121
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Семнадцать минут тишины. Том I

**Константин Будилин
Наталья Л.**

© Константин Будилин, 2026

© Наталья Л., 2026

ISBN 978-5-0071-2656-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-2938-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**КОНСТАНТИН БУДИЛИН
НАТАЛЬЯ Л. СЕМНАДЦАТЬ
МИНУТ ТИШИНЫ**

Том I

2026

Содержание

- Глава 1. Когда гаснет свет
- Глава 2. Чужим ключом
- Глава 3. Тот, кто заставлял дышать
- Глава 4. Комната без окон
- Глава 5. Резервное питание
- Глава 6. Человек с тростью
- Глава 7. Благотворитель
- Глава 8. Старая фотография
- Глава 9. Не ищите врача
- Глава 10. Невозможное время
- Глава 11. Лёд
- Глава 12. Последний прокат
- Глава 13. Программа «Импульс»
- Глава 14. Белая ампула
- Глава 15. Падение
- Глава 16. Врач скорой помощи
- Глава 17. Не останавливайтесь
- Глава 18. Первый удар
- Глава 19. Тишина матери
- Глава 20. Чужая версия
- Глава 21. Женщина в сером пальто
- Глава 22. Адрес без города
- Глава 23. Школа спасателей

Глава 24. Я спас тебя, но не правду

Глава 25. Семнадцатая минута

Глава 26. Ложное обвинение

Глава 27. Обратная дорога

*Я научилась быть одна
Без боли, страха, сожалений!
Как в тебе яркая звезда,
Вечны они для многих поколений.*

*Я научилась жить одна,
Как одинокая волчица!
Зависимость равна тюрьма,
И этого душа боится.*

*Так много боли пережив
И возродив себя из пепла,
Обида для меня лишь миф,
И для неё во мне нет места.*

*Ты скажешь: «Суждено!
Такой была твоя дорога!»
А я отвечу: «Не мудроно!»
Но ты не видишь очень много.*

*Судьбу, мы можем изменить,
Переписать её сценарий!
Достаточно начать лишь жить,
Как хочешь ты! Не ожидая наказаний!*

*Жить без оглядки и волнений
И чётко зная верный путь.
И без раздумий и сомнений
Идти туда, где существует суть!*

*Мир наизнанку вы не знали?
Мы все живём наоборот!
И то, что вам родители сказали,
Не принимайте так всё на свой счёт!*

*Когда мне было восемнадцать,
Я только начинала жить.
Но жизнь моя хотела оборваться,
И тело не хотело мне служить!*

*Без ожидания, без страха и без боли,
И только веря мысли и словам.
Я провожала смерть свою силой воли,
Своё я тело смерти не отдам!*

*Судьбе служить я не готова
И робко по течению плыть,
И в страхе ждать, что уготовано, —
Не в силах больше я так жить!*

*Твой разум это ведь машина,
Твой мозг — твой верный компаньон!
И то, что ты в него всеяешь, —
Беспрерывно выполняет он!*

Наталья А.

Глава 1

Когда гаснет свет

«Своё я тело смерти не отдам!»

Свет погас на вдохе.

Елизавета успела увидеть, как за стеклянной стеной коридора снег ударил в окна белой ладонью, как на мгновение дрогнули лампы под потолком, — и всё исчезло. Не постепенно, не с привычным мерцанием аварийного режима. Просто кто-то одним движением вырезал из здания свет, звук и воздух.

Замолчали вентиляционные решётки. Погасли мониторы. Остановился лифт. Даже электронные часы над постом медсестры замерли на цифрах 19:18.

Первые две секунды в центре «Второе дыхание» было совершенно тихо.

На третьей секунде из седьмой палаты донёсся короткий металлический щелчок.

Елизавета уже бежала.

Она не крикнула и не стала искать телефон. Ладонь сама легла на карман халата, где всегда находился маленький фонарь. Узкий белый луч вспорол темноту, выхватил поручень, угол тележки, распахнутую дверь процедурной. В конце коридора кто-то уронил лоток. Металл ударился о пол и покатился, звеня так громко, будто здание треснуло по всей

длине.

— Аварийный протокол! — голос Елизаветы прозвучал ровно. — Даша, седьмая палата. Антон — за мной. Пост вызывает инженера и скорую. Немедленно.

Красные полосы дежурного освещения вспыхнули у пола, но тут же погасли. За окнами, сквозь густой снег, продолжали гореть фонари парковки. На противоположной стороне улицы светились витрины аптеки. Значит, город не отключился.

Погас только центр.

Елизавета пересекла коридор за несколько секунд. Белый халат распахнулся на ходу, тёмные волосы упали на лицо, но она не остановилась, чтобы убрать их. В дверях седьмой

палаты ей навстречу выскочила медсестра Дарья Шевченко.

— Аппарат не перешёл на батарею. Я пыталась перезапустить...

— Не перезапускай. Ручной мешок.

— Уже достаю.

На кровати лежала Софья Круглова. Восемнадцать лет. Тридцать семь дней назад она ещё не могла самостоятельно поднять руку. Двадцать дней назад начала дышать без аппарата по несколько минут. Сегодня впервые удержала голову почти полчаса и, когда Елизавета похвалила её, сердито ответила, что это не достижение, а издевательство над нормальной жизнью.

Сейчас её грудь едва заметно поднималась. Прозрачная маска оставалась на лице, но трубка дыхательной поддержки была безжизненна. На тёмном экране аппарата не горело ни одной точки.

Софья открыла глаза. В них ещё не было паники — только непонимание человека, внезапно проснувшегося в чужой комнате.

— Лиза... — выдохнула она почти беззвучно.

— Я здесь.

Елизавета сняла неподвижную трубку, проверила положение маски и приняла из рук Дарьи ручной дыхательный мешок. Пластик был холодным. Она сжала его один раз, наблюдая за грудной клеткой девушки, затем второй — медленнее.

— Софья, смотрите на меня. Не на аппарат. На меня.

Девушка попыталась вдохнуть вместе с движением руки Елизаветы. Вдох вышел коротким, рваным. Пальцы, ещё недавно почти неподвижные, судорожно сжали край простыни.

В палату вбежал Антон Мельничук, дежурный анестезиолог. Фонарик телефона он держал во рту, обе руки были заняты переносным монитором.

— Монитор тоже пустой. Внутренняя батарея разряжена.

— Утром проверяли.

— В журнале стоит подпись.

— Сейчас меня не интересует журнал. Подключай автономный датчик. Даша, кислородный баллон.

Елизавета продолжала задавать дыхание. Сжатие. Пауза. Вдох. Пауза. Она считала не вслух — цифры возникали сами, чёткие и ненужные.

Один. Два. Три.

На восьмом движении Софья закрыла глаза.

— Нет, — сказала Елизавета. — Глаза откройте.

Софья подчинилась.

— Я не могу.

— Можете.

— Я устала.

— Устанете потом. Сейчас дышим.

Слова прозвучали жёстко, почти холодно, но Софья перестала метаться взглядом. Она смотрела только на Елизавету. В этом взгляде было что-то слишком знакомое: не страх

смерти, а обида на собственное тело, которое в самый важный момент решило жить по своим правилам.

Елизавета знала эту обиду.

Она прогнала мысль раньше, чем та успела оформиться.

— Давление девяносто на шестьдесят, — сообщил Антон, глядя на автономный прибор. — Пульс сто восемнадцать. Сатурация поднимается.

— Продолжаем.

Из коридора слышались быстрые шаги, и в палату вошёл санитар с переносным дыхательным блоком. За ним появился Сергей Карпов, главный инженер центра. Обычно спокойный, аккуратный до занудства, теперь он был без куртки, в рубашке с закатанными рукавами. На правой ладони темнела полоса машинного масла.

— Главный генератор не стартует, — сказал он. — Второй тоже не отвечает.

— Сколько нужно времени?

Карпов посмотрел на неё и не ответил сразу.

— Сергей.

— Я не знаю. Такого не должно быть. Две независимые линии не могут умереть одновременно.

— Но умерли.

Он вздрогнул от выбранного ею слова.

— Я спускаюсь в генераторную.

— Не один. Возьми охрану. И позвони мне, как только поймёшь причину.

Карпов кивнул и исчез.

Антон подключил Софью к переносному блоку. Несколько секунд аппарат проверял контур, затем тихо заработал. Ровный шорох воздуха заполнил палату. Елизавета не убрала руку, пока не увидела три одинаковых подъёма грудной клетки.

— Держит, — сказал Антон. — Можно отпускать.

Она разжала пальцы. Только сейчас заметила, что кисть свело от напряжения.

Софья всё ещё смотрела на неё.

— Вы знали, что придёте? — спросила девушка через маску.

— Куда?

— Ко мне.

— Я была в соседнем коридоре.

— Нет. Я не об этом.

Елизавета хотела переспросить, но Софья медленно закрыла глаза. На этот раз она позволила ей это сделать.

В коридоре становилось шумнее. Персонал проверял палаты, переносил автономные приборы, раздавал аккумуляторные фонари. Кто-то вручную открывал двери с электронными замками. С первого этажа доносился голос администратора, пытавшегося успокоить родственников пациентов.

Елизавета вышла из палаты и посмотрела на часы. Серебряные стрелки показывали 19:31.

Прошло тринадцать минут.

Четыре минуты спустя здание ожило.

Сначала загудела вентиляция. Затем вспыхнули потолочные лампы, включились мониторы, разом заговорили сигналы аппаратуры. Свет оказался таким ярким, что люди в коридоре невольно зажмурились.

Электронные часы над постом мигнули и показали 19:35.

Семнадцать минут.

Елизавета несколько секунд смотрела на цифры, чувствуя, как под воротником становится холодно. Никакой мистики. Простое совпадение. Время, которому она сама придала слишком большое значение много лет назад.

Она отвернулась раньше, чем память успела показать ей белый потолок, чужие руки и лицо человека, которого она почти не помнила.

— Елизавета Дмитриевна, — позвала Дарья. — Софья стабильно. Все показатели держатся.

— Оставьте рядом автономный аппарат и два заряженных блока. Проверить каждую палату. Всё, что имеет аккумулятор, включить вручную и отметить фактический заряд. Подписям в журнале больше не верим.

— Поняла.

— И пусть кто-нибудь принесёт Софье её серые носки. Она ненавидит больничные.

Дарья впервые за эти семнадцать минут улыбнулась.

— Уже принесла.

Елизавета кивнула и пошла к лестнице. Лифт снова работал, но пользоваться им она не стала.

На площадке между этажами её догнал Карпов.

— Нашёл, — сказал он.

На его лице не было облегчения.

— Что именно?

— Главный рубильник аварийного контура был переве-

дён в сервисное положение. Вручную. Резервные аккумуляторы в шкафу отключены от шин. На втором генераторе снят управляющий предохранитель.

— Могли оставить после обслуживания?

— Нет. Мы проверяли систему в пятницу. Я лично принимал работу.

— Тогда почему она не сработала сегодня?

Карпов опустил голос, хотя рядом никого не было.

— Потому что кто-то сделал так, чтобы она не сработала.

За окном лестничной площадки метель раскачивала сосны. Свет фонаря то появлялся, то исчезал за снежной пеленой. На белом дворе тянулась единственная цепочка следов от технического входа к парковке. Через несколько секунд снег закрыл и её.

— В генераторную можно попасть с улицы? — спросила Елизавета.

— По карте доступа. Или изнутри через хозяйственный коридор.

— Записи камер.

— Сервер видеонаблюдения отключился вместе со всем остальным.

— До отключения.

— Посмотрим. Но если человек знал систему, он мог выбрать слепую зону.

Елизавета ещё раз взглянула на двор.

— Никого не выпускать без регистрации. Попроси Арсе-

ния сохранить журналы входа. И ничего не трогай в генераторной до приезда полиции.

— Полиции?

— Семнадцать минут без электричества в здании, где люди учатся заново дышать, — это не техническая неисправность.

Карпов хотел возразить, но передумал.

— Хорошо.

— Сергей.

Он остановился.

— Кто ещё знал, что сегодня Софья остаётся на ночную дыхательную тренировку?

— Половина отделения. Расписание открытое.

Ответ не понравился им обоим.

* * *

К половине десятого центр снова напоминал больницу, а не терпящий бедствие корабль. Приехала аварийная служба. Двое полицейских осматривали генераторную. Родственникам сообщили, что угрозы пациентам нет. Карпов ходил по этажам с планшетом и заставлял сотрудников включать каждый аккумулятор под его личным контролем.

Елизавета вернулась к Софье.

Девушка не спала. На ней были серые шерстяные носки, а на тумбочке горел маленький аккумуляторный светильник. Его тёплый круг делал палату почти домашней.

— Вы спасли меня? — спросила Софья.

— Мы не дадим этому слову стать вашей любимой драмой. Аппарат отключился, команда сработала, дыхание восстановили.

— Значит, спасли.

— Значит, сделали свою работу.

Софья едва заметно улыбнулась.

— Вы всегда говорите так, когда боитесь?

Елизавета поправила край одеяла.

— Я не боюсь.

— Конечно.

Восемнадцатилетние редко умеют скрывать насмешку, даже когда им тяжело дышать.

— Отдыхайте, — сказала Елизавета.

— Здесь была женщина.

Рука Елизаветы замерла на спинке кровати.

— Какая женщина?

— До того, как погас свет. Стояла у двери. В сером пальто. Я подумала, что она чья-то мама. Она смотрела на меня, но как будто видела не меня.

— Вы раньше её встречали?

— Нет.

— Она заходила в палату?

— Кажется, спросила, где ваш кабинет.

— Что вы ответили?

— Что на третьем этаже. Потом вы пришли, и я решила, что она вас нашла.

Елизавета почувствовала знакомое внутреннее движение — не страх, а мгновенную перестройку внимания, когда отдельные детали перестают быть случайными.

— Как она выглядела?

— Лет шестьдесят. Может, больше. Седые волосы. Она держала что-то под пальто. Папку или книгу.

— Почему вы не сказали раньше?

— Вы были заняты тем, что не давали мне умереть.

— Вы не умирали.

— А вы всё-таки боялись.

Елизавета посмотрела на девушку. Софья выдержала её взгляд всего несколько секунд, затем закрыла глаза.

— Спокойной ночи, Елизавета Дмитриевна.

— Спокойной ночи.

В коридоре Елизавета набрала охрану.

— Арсений, найдите посетительницу в сером пальто. Женщина около шестидесяти, седые волосы. Могла подняться на третий этаж перед отключением.

— Сейчас проверю.

— И никому не сообщайте, что мы её ищем.

Она убрала телефон и направилась к лестнице.

На третьем этаже было пусто. Административная часть центра заканчивала работу в восемь, и после аварии все сотрудники спустились к пациентам. Свет здесь уже восстановили, но половину ламп Елизавета велела отключить, чтобы не нагружать систему. Поэтому коридор состоял из череду-

ющихся полос света и тени.

Дверь её кабинета была закрыта.

Елизавета приложила карту к считывателю. Замок щёлкнул.

Внутри всё выглядело привычно: шкаф с историями успешного восстановления, длинный стол для совещаний, два кресла у окна, чашка с остывшим кофе. За стеклом метель скрывала город. Только красные огни на крыше соседнего корпуса иногда проступали сквозь снег.

Елизавета включила настольную лампу.

И увидела папку.

Она лежала точно посередине стола, где утром оставались договоры с поставщиками. Толстая, выцветшая, с мягкими углами и тесёмками, которыми давно никто не пользовался. На обложке синей ручкой было написано:

«Морозова Елизавета Дмитриевна. 18 лет».

Ниже стояла дата поступления: 14 декабря 2004 года.

Она не подошла сразу.

Двадцать один год Елизавета убеждала себя, что прошлое — это обычный архив. Набор фактов, которые нельзя изменить, но можно правильно расставить по полкам. Она знала диагноз, знала продолжительность реанимации, знала фамилии врачей. Знала даже, сколько месяцев училась заново удерживать ложку и сколько шагов сделала в день, когда впервые вышла из палаты без поддержки.

По крайней мере, ей казалось, что знала.

Она надела тонкие перчатки из ящика, приблизилась и развязала тесёмки.

Первым лежал лист с кардиограммой. Бумага пожелтела, но чёрная линия оставалась резкой. Чуть ниже — фотография восемнадцатилетней девушки с туго собранными волосами и упрямо поднятым подбородком.

Елизавета не узнала в ней себя.

Между страницами белел новый конверт.

На нём не было имени. Только две цифры, написанные простым карандашом:

17.

Она вскрыла конверт. Внутри оказался узкий лист бумаги.

Одна строка.

«Тебе солгали о тех семнадцати минутах».

Где-то в глубине здания снова щёлкнуло реле.

Елизавета подняла голову.

На этот раз свет не погас.

Но она впервые за двадцать один год не была уверена, что действительно вернулась из той темноты однажды и навсегда.

Глава 2

Чужим ключом

«Мир наизнанку вы не знали?

Мы все живём наоборот!»

В дверь постучали в ноль часов семь минут.

Елизавета не ответила. Она стояла у стола, всё ещё в тонких перчатках, и смотрела на лист с одной строкой так, будто слова могли измениться, если дать им достаточно времени.

«Тебе солгали о тех семнадцати минутах».

За двадцать один год она слышала множество объяснений. Врачи говорили о редком совпадении, о своевременной реанимации и о силе молодого организма. Мать — о чуде. Знакомые — о втором рождении. Сама Елизавета предпочитала точные формулировки: остановка сердца, семнадцать минут клинической смерти, восстановление ритма, длительная реабилитация.

Точность была стеной, за которой прошлое не могло до неё дотянуться.

Теперь кто-то вынул из этой стены один кирпич.

Стук повторился — два коротких удара и один более тихий.

— Войдите.

Дверь открылась, но вошедший не сделал ни шага за порог. Ему было чуть больше сорока. Высокий, в тёмном пальто, на плечах которого ещё не растаял снег. Короткие тёмно-русые волосы поседели у висков раньше времени. Он сначала посмотрел на Елизавету, потом на папку и только после этого показал удостоверение.

— Андрей Лавров. Следователь. Вы Елизавета Дмитриевна Морозова?

— Если вы уже знаете ответ, зачем спрашиваете?

— Хочу услышать, как вы сами себя назовёте.

— Необычный способ знакомиться.

— Ночь тоже необычная.

Он не улыбнулся. Елизавета отметила это с неожиданным облегчением. Любой другой на его месте попытался бы разрядить

обстановку,

произнёс

бы

что-нибудь успокаивающее и тем самым заставил бы её защищаться. Лавров просто ждал.

— Проходите, — сказала она.

— Ничего больше не трогали?

— Надела перчатки, развязала тесёмки, открыла конверт и просмотрела первые страницы.

— Кто-нибудь ещё видел записку?

— Нет.

— Почему сразу не позвали полицейских из генераторной?

— Потому что сначала хотела понять, моя ли это папка.

— И поняли?

Елизавета перевела взгляд на выцветшую обложку.

— На ней моё имя. Мой возраст. Дата поступления. Фотография внутри тоже моя. Но эту историю болезни я видела только однажды, перед выпиской. Потом мать сказала, что архив больницы затопило и часть документов уничтожили.

— Когда это было?

— Весной две тысячи пятого.

— Ваша мать жива?

Вопрос был обычным, почти неизбежным, но Елизавета ответила не сразу.

— Да.

Лавров достал из кармана перчатки.

— Тогда начнём с того, что не будем никому звонить до осмотра. Ни вашей матери, ни людям, чьи фамилии найдём внутри. Тот, кто принёс папку, рассчитывает на вашу реакцию. Не стоит сообщать ему, какой она оказалась.

— Вы считаете, отключение устроили ради этого?

— Я пока считаю только минуты. В девятнадцать восемнадцать гаснет свет. Вы уходите спасать пациентку. В девятнадцать тридцать пять электричество возвращается. Позже вы находите в запёртом кабинете документ о другом собы-

тии, которое тоже длилось семнадцать минут. Совпадений уже слишком много, чтобы давать им красивые названия.

Елизавета почувствовала, как внутри снова начался привычный счёт.

Один. Два. Три.

— Вы всегда считаете паузы? — спросил Лавров.

Она посмотрела на него.

— Какие паузы?

— Те, в которых хотите не отвечать.

— Вы наблюдательны.

— Это не комплимент. Это работа.

— У меня тоже.

На этот раз уголок его рта едва заметно дрогнул, но взгляд остался серьёзным.

Лавров придвинул настольную лампу и начал листать папку с медленностью человека, который умеет не торопить чужие тайны. Номер отделения. Дата поступления — 14 декабря 2004 года. Предварительный диагноз. Результаты анализов. Всё выглядело подлинным: старые печати, неровные отверстия от скоросшивателя, выцветшие чернила.

На десятой странице шёл протокол наблюдения за 18 декабря. Последняя запись была сделана в 19:17: «Состояние стабильное. Пациентка в сознании». Следующий лист начинался с номера двенадцать и времени 19:36.

Страницы одиннадцать не было.

— Её вы вынимали? — спросил Лавров.

— Нет.

— Что должно было быть между этими записями?

— Протокол реанимации. Остановка сердца произошла в девятнадцать восемнадцать. Ритм восстановили через семнадцать минут.

Лавров взглянул на электронные часы у стены. Они показывали 00:14.

— Сегодня какое число?

Елизавета поняла, к чему он ведёт, раньше, чем ответила.

— Восемнадцатое декабря закончилось четырнадцать минут назад.

— Ровно двадцать один год.

Она знала дату весь день. Разумеется, знала. Но с утра бы-

ли обход, совещание, комиссия по оборудованию, разговор с Софьей. Елизавета научилась не праздновать второе рождение и не оплакивать первое. Просто проживать 18 декабря как обычный день.

Кто-то другой помнил за неё.

Лавров перелистнул ещё несколько страниц. Внизу листа с назначениями стояла подпись дежурного врача — размашистая, почти неразборчивая. Рядом машинописная строка: «Орлов Максим Сергеевич».

Имя ничего не вызвало. Ни лица, ни голоса. Только белая вспышка под закрытыми веками и ощущение чьей-то ладони на затылке.

— Знаком? — спросил Лавров.

— Должен быть. Но я его не помню.

— Совсем?

— Первые недели после реанимации я помню фрагменты. Потолок. Лампу. Маму возле окна. Мужской голос, который заставлял меня считать вдохи. В выписке фамилия Орлова была, но лично мы никогда не встречались. По крайней мере, после того, как я пришла в себя.

— Он подписал почти каждый лист за те сутки.

— Кроме того, которого здесь нет.

Лавров закрыл папку.

— Вот это уже не совпадение.

* * *

Комната охраны находилась на первом этаже, рядом с тех-

ническим коридором. К часу ночи там пахло мокрой одеждой, крепким чаем и перегретой электроникой. Начальник смены Арсений Волков сидел перед шестью мониторами и по третьему разу просматривал запись с камер.

— Вот она, — сказал он. — Восемнадцать пятьдесят две.

На экране появилась женщина в сером пальто. Камера над главным входом сняла её сверху: седые волосы, тёмная сумка через плечо, тонкая папка под левой рукой. Она прошла через холл, не останавливаясь у стойки администратора, будто знала момент, когда сотрудница отвернётся к телефону.

— Увеличьте лицо, — попросил Лавров.

Изображение рассыпалось на квадраты.

— Лучше нет, — сказал Арсений. — Она всё время держалась под камерами боком. Как будто знала углы.

— Дальше.

В 18:55 женщина вошла в лифт. В 18:57 камера третьего этажа поймала край серого рукава. Потом посетительница исчезла из поля зрения. Следующая запись появилась в 19:12: пустой коридор, закрытая дверь кабинета Елизаветы и на стекле противоположного окна — зыбкое отражение фигуры.

— Остановите, — сказала Елизавета.

Арсений замер над клавиатурой.

В отражении женщина стояла лицом к кабинету. Папки под рукой уже не было.

— Время входа по замку? — спросил Лавров.

Арсений открыл журнал системы доступа.

— Девятнадцать ноль шесть. Кабинет директора. Карта номер ноль-ноль-один.

— Чья карта?

Арсений медленно повернулся к Елизавете.

— Ваша.

Она вынула пропуск из нагрудного кармана халата и положила рядом с клавиатурой.

— Он весь вечер был при мне.

— Могли оставить его где-нибудь раньше? — спросил Лавров.

— Нет. В 18:40 я открывала им лекарственный блок. После этого положила в карман. В 19:18, когда погас свет, он тоже был здесь.

— Карту можно скопировать?

Арсений потёр подбородок.

— Теоретически. Но нужно поднести считыватель совсем близко. Или получить доступ к номеру и ключу шифрования. Обычный посетитель этого не сделает.

— А необычный?

— Тот, кто знает нашу систему, — сможет.

Лавров попросил открыть запись с технического коридора. В 19:16 камера показала пустую дверь генераторной. В 19:17 изображение дёрнулось, потемнело на секунду, а потом в дальнем конце кадра появилась та же женщина. Она шла быстро, почти бежала. В правой руке у неё было что-то

маленькое и чёрное.

В 19:18 экран погас.

Семнадцать минут записи отсутствовали полностью.

Когда изображение вернулось, коридор был пуст.

— Она могла отключить генераторы? — спросила Елизавета.

— Могла, — ответил Лавров. — Или хотела, чтобы мы так подумали.

— В палате могла погибнуть девушка.

— Я знаю.

— Нет, — сказала Елизавета резче, чем собиралась. — Вы видели запись. Но вы не знаете, как быстро темнота превращает исправный аппарат в кусок пластика. Софья не была

частью чьей-то загадки. Она человек.

Лавров выдержал её взгляд.

— Именно поэтому я не буду считать папку главным событием этой ночи. Главное событие — покушение на безопасность центра. А папка объясняет, почему выбрали вас.

Слова прозвучали спокойно, без попытки её успокоить. И снова это подействовало лучше любых заверений.

Арсений прокрутил запись ещё на несколько секунд.

— Подождите. Тут есть один кадр.

Перед самым обрывом женщина обернулась. Лица почти не было видно, но она подняла голову точно к камере. Не случайно. Будто знала, что позже этот момент остановят.

Губы женщины шевельнулись.

— Можно понять, что она сказала? — спросила Елизавета.

— Без звука — только гадать, — ответил Лавров. — А гадать я не люблю.

— Я тоже.

Но Елизавета уже повторяла движение губ про себя. Два коротких слова. Первое начиналось на «о». Второе — на «ж» или «ш».

Он жив.

Или: уже поздно.

Оба варианта были одинаково невозможны.

* * *

В два часа двадцать три минуты Лавров закончил первый

опрос. Папку упаковали в прозрачный пакет. Записку положили отдельно. Копии камер и журналов доступа забрали для проверки. Центр перевели на круглосуточную охрану, а Карпов остался в генераторной до приезда второй технической группы.

Елизавета проводила следователя до холла.

Метель не ослабла. За стеклянными дверями снег шёл почти горизонтально, стирая парковку и машины. Лавров остановился у выхода.

— Сегодня не оставайтесь одна, — сказал он.

— Это распоряжение?

— Рекомендация.

— Тогда я её слышала.

— И проигнорируете.

— Скорее всего.

Он достал визитную карточку, написал на обороте второй номер и протянул ей.

— Этот включён всегда. Если вспомните что-нибудь об Орлове или узнаете женщину — звоните сразу.

— Даже в паузах, когда не хочу отвечать?

— Особенно в них.

Лавров вышел в снег. Через несколько шагов его силуэт растворился в белой мгле.

Елизавета ещё стояла у двери, когда телефон в кармане завибрировал.

Номер был скрыт.

Она ответила не сразу. Один. Два. Три.

— Слушаю.

В трубке шумело, будто кто-то говорил с улицы под сильным ветром. Потом раздался женский голос — низкий, усталый, изменённый помехами.

— Если хотите узнать, что произошло с вами двадцать один год назад, не ищите меня.

— Кто вы?

— Ищите того, кто заставлял вас дышать.

Елизавета сжала телефон.

— Максима Орлова?

На другом конце стало тихо.

Потом женщина произнесла почти шёпотом:

— Спросите его, почему он позволил всем считать вас мёртвой.

Связь оборвалась.

Автоматические двери перед Елизаветой бесшумно разошлись. В холл ворвался ледяной воздух, закружил несколько снежинок и уронил на тёмный пол одну из них.

Она не растаяла сразу.

Глава 3

Тот, кто заставляет дышать

«И то, что вам родители сказали, Не принимайте так всё на свой счёт!»

В пять часов сорок семь минут Елизавета поняла, что до утра уже не уснёт.

Она и не пыталась.

После разговора с неизвестной женщиной прошло больше трёх часов, но её последние слова продолжали звучать так ясно, словно телефон всё ещё был прижат к уху.

«Спросите его, почему он позволил всем считать вас мёртвой».

Елизавета сидела в своём кабинете, положив перед собой визитную карточку Андрея Лаврова. На обороте были написаны семь цифр личного номера. Рядом лежал чистый лист, на котором она успела вывести только одно имя:

«Максим Орлов».

Больше ничего.

Она пыталась вспомнить мужской голос из больничной палаты. Тот самый, который заставлял её считать вдохи, когда тело отказывалось подчиняться. Память отвечала отдель-

ными ощущениями: белый свет, холод под лопатками, запах спирта и пластика, чья-то ладонь на затылке.

Лица не было.

Имени тоже.

Только голос:

«Не спеши. Сначала вдох. Потом следующий».

Елизавета закрыла глаза.

Вдох.

Пауза.

Ещё один вдох.

Она невольно начала считать.

Один. Два. Три.

На седьмом вдохе в коридоре послышался скрип колёс. Кто-то из ночной смены вёз тележку с лекарствами. Центр постепенно просыпался: открывались двери, включались кофемашины, приглушённо переговаривались медсёстры.

Обычное утро после необычной ночи.

Елизавета поднялась и направилась к Софье.

Девушка не спала. Она лежала на спине и смотрела в окно, за которым метель наконец начала стихать. Снег всё ещё шёл, но теперь медленно, крупными хлопьями. Свет от уличного фонаря ложился на стекло бледным жёлтым пятном.

Аппарат дыхательной поддержки работал ровно.

На тумбочке стояла чашка с остывшим чаем.

— Вы опять пришли, — сказала Софья.

— Я здесь работаю.

— Врачи обычно не приходят к пациентам до шести утра просто потому, что работают.

Елизавета проверила показания аппарата.

— Как дышали ночью?

— С переменным успехом. Когда не думала о том, что аппарат снова может отключиться, — хорошо.

— Он не отключится.

— Вчера вы тоже так думали.

Елизавета промолчала.

Софья повернула голову.

— Нашли ту женщину?

— Пока нет.

— Значит, она действительно была?

— Вы сомневались?

— После всего, что произошло, я уже не была уверена. Может, мне не хватало кислорода и я её придумала.

— Вы видели её до отключения.

— Это ничего не доказывает. Люди иногда заранее придумывают то, что потом становится удобным объяснением.

Елизавета посмотрела на девушку внимательнее.

— Кто вас этому научил?

— Вы.

— Я?

— Вы всё время говорите, что тело запоминает страх быстрее, чем разум успевает разобраться. Вот я и разбираюсь.

На этот раз Елизавета не нашла, что ответить.

Софья пошевелила пальцами правой руки. После вчерашнего напряжения они двигались хуже, но всё же двигались. Ещё месяц назад девушка не могла сделать и этого.

— Я кое-что вспомнила, — сказала она.

— О женщине?

Софья кивнула.

— Когда она стояла у двери, я спросила, кого она ищет. Сначала она ничего не ответила. Потом подошла ближе и посмотрела на меня так странно... Как будто испугалась.

— Вас?

— Не думаю. Скорее, того, что увидела.

— Что именно она сказала?

— «Тебе тоже восемнадцать?»

Елизавета почувствовала, как пальцы крепче сжали край тумбочки.

— Вы сказали, сколько вам лет?

— Да. А потом она произнесла: «Опять восемнадцать».

— Точно эти слова?

— Точно.

— Больше ничего?

Софья нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Она спросила, давно ли вы руководите центром. Я сказала, что не знаю. Потом она посмотрела на часы и спросила, всегда ли вы носите пропуск в кармане халата.

Елизавета выпрямилась.

— Почему вы не рассказали об этом ночью?

— Не вспомнила. В тот момент вопрос показался обычным. Я решила, что она тоже здесь работает.

— На ней была медицинская одежда? Бейдж?

— Нет. Только серое пальто. На воротнике была брошь.

— Какая?

— Чёрная птица. Или просто птица из тёмного металла. Я плохо рассмотрела.

Софья на несколько секунд замолчала.

— Она знала, что погаснет свет?

— Почему вы так решили?

— Перед тем как уйти, она сказала: «Не бойся темноты. Она продлится недолго».

В палате продолжал работать аппарат. Его размеренный шорох стал вдруг слишком громким.

— Вы уверены? — спросила Елизавета.

— Да.

— Почему вчера вы не сказали об этом сразу?

— Потому что вчера мне было страшно. А сейчас я злюсь.

— На кого?

— На неё. На человека, который отключил аппарат. На себя, потому что ничего не могла сделать. На вас, потому что вы стоите и делаете вид, будто вам не страшно.

Елизавета поправила прозрачную трубку, хотя та лежала правильно.

— Злость иногда полезнее страха.

— Это вы сейчас как врач говорите?

— Как человек.

Софья посмотрела на неё.

— Значит, вам всё-таки страшно?

— Значит, я найду того, кто это сделал.

Елизавета произнесла слова спокойно, но Софья больше не стала спорить.

* * *

Андрей Лавров позвонил в шесть часов двенадцать минут.

Елизавета ответила после первого сигнала.

— Вы не спали, — сказал он вместо приветствия.

— Это вопрос?

— Наблюдение.

— Тогда оставьте его при себе.

— Не получится. Я уже подъезжаю к центру.

— Зачем?

— Нашёл Максима Орлова.

Елизавета подошла к окну.

За стеклом на парковку медленно въезжала тёмная машина. Фары разрезали снежную пелену и погасли.

— Он жив? — спросила она.

Вопрос прозвучал глупо. Но после ночного звонка именно это было важно услышать.

— По документам — да.

— Что значит «по документам»?

— Обсудим внутри.

Лавров отключился.

Через несколько минут он появился в холле. Пальто было тем же, что ночью, только теперь на плечах лежал новый слой снега. В правой руке он держал тонкую синюю папку и бумажный стакан с кофе.

— Это мне? — спросила Елизавета, глядя на стакан.

— Нет.

— Тогда почему у вас только один?

— Я предположил, что вы всё равно скажете, что не пьёте кофе из бумажных стаканов.

— Правильно предположили.

— Поэтому не стал тратить деньги.

Он сделал глоток и протянул ей папку.

— Максим Сергеевич Орлов. Сорок восемь лет. В две тысячи четвёртом году работал анестезиологом-реаниматологом в городской больнице, где вы проходили лечение. На момент вашего поступления ему было двадцать семь. Через месяц после происшествия уволился по собственному желанию.

— Почему?

— В личном деле причины нет.

— Где он сейчас?

— До две тысячи девятого года работал в нескольких частных клиниках. Потом исчез из официальных медицинских реестров. Последнее подтверждённое место работы — небольшой восстановительный центр в области.

— Восстановительный?

— Реабилитация после тяжёлых травм и комы.

Елизавета перелистнула несколько страниц.

На первой была фотография молодого мужчины. Белый халат, короткие тёмные волосы, уставший взгляд. Снимок сделали много лет назад, но даже на плохой копии было заметно, что он смотрел не в объектив, а чуть в сторону.

Елизавета долго всматривалась в лицо.

Ничего.

Ни узнавания, ни внутреннего толчка.

— Не помните? — спросил Лавров.

— Нет.

— Посмотрите ещё раз.

— Я умею смотреть.

— Иногда память возвращается не сразу.

— А иногда люди видят то, что хотят увидеть.

Лавров поставил стакан на стойку администратора.

— Вчера вы сказали, что мужской голос заставлял вас считать вдохи. В карте почти все назначения за восемнадцатое декабря подписаны Орловым. Это пока не доказательство, но связь есть.

— Он мог быть обычным дежурным врачом.

— Мог.

— И его увольнение тоже может ничего не значить.

— Может.

Елизавета закрыла папку.

— Вы со всем соглашаетесь?

— Нет. Я просто не спору с версиями, пока их можно проверить.

— Где Орлов живёт сейчас?

— По последнему адресу — в посёлке примерно в ста двадцати километрах отсюда. Но дом продали три года назад. Новый адрес не зарегистрирован.

— Телефон?

— Отключён.

— Родственники?

— Бывшая жена умерла. Детей нет. Отец жил в другом регионе, но его уже нет в живых. Мать Орлова умерла в две

тысячи шестом.

Елизавета снова открыла папку.

— Значит, вы его не нашли.

— Я нашёл человека, которого нам нужно искать. Это не одно и то же.

— Очень утешает.

— Я не пытаюсь вас утешить.

— Я уже заметила.

Лавров посмотрел на часы.

— Есть ещё кое-что. Перед увольнением Орлов проходил внутреннюю служебную проверку.

— Из-за меня?

— Номер дела совпадает с номером вашей истории болезни. Материалы проверки отсутствуют.

— Снова отсутствуют?

— В архивном журнале есть запись о передаче дела главному врачу. Самого дела нет.

— Кто был главным врачом?

Лавров перевернул страницу.

— Виктор Аркадьевич Карелин. Сейчас ему шестьдесят семь лет. Вышел на пенсию пять лет назад.

Имя Карелина Елизавета помнила.

Он приходил к ней после реанимации. Высокий мужчина с аккуратной бородой и тихим голосом. Говорил матери, что произошедшее нужно оставить в прошлом, а Елизавете — думать только о восстановлении.

Тогда его слова казались добрыми.

Теперь она слышала в них другой смысл.

— Вы встречались с ним? — спросил Лавров.

— Несколько раз. Он разговаривал в основном с мамой.

— О чём?

— Не знаю. Меня просили отдыхать.

— Ваша мать знакома с Максимом Орловым?

— Она никогда о нём не говорила.

— Это не ответ.

Елизавета посмотрела на фотографию молодого врача.

— Я спрошу её.

— Мы спросим.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моя мать.

— И потому что вы хотите дать ей возможность подготовить ответ?

— Потому что ей шестьдесят пять лет и она не имеет отношения к тому, что произошло вчера.

— Вы пока этого не знаете.

Елизавета закрыла папку резче, чем собиралась.

— Вы подозреваете мою мать в отключении генераторов?

— Я подозреваю, что человек, который оставил вам историю болезни, знает подробности вашей семьи. Женщина пришла в центр в нужный день, вошла вашим ключом и спросила у Софы, всегда ли вы носите пропуск в кармане.

Кто-то наблюдал за вами. Возможно, долго.

— Моя мать не способна на такое.

— Я не сказал, что женщина в сером пальто — ваша мать.

— Тогда что вы сказали?

— Что мы не имеем права заранее исключать никого, кто знал о вашем прошлом.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Елизавета первой отвела взгляд.

— Я поеду к ней одна.

— А я поеду следом.

— Это необходимо?

— Нет. Но вы всё равно не сможете мне запретить.

— Вы всегда такой?

— Только когда люди собираются совершить предсказуемую ошибку.

— И какую ошибку собираюсь совершить я?

— Поверить первому ответу, потому что очень хотите, чтобы он оказался правдой.

* * *

Анна Морозова жила в старом доме на окраине города.

Елизавета выросла в этой квартире. Здесь всё оставалось почти таким же, каким было двадцать один год назад: узкий коридор, светлые обои с мелкими листьями, деревянная вешалка, зеркало с потемневшим краем.

На кухне пахло яблоками и корицей.

Анна открыла дверь в домашнем халате. Седые волосы

были собраны на затылке, на носу сидели очки, которыми она пользовалась только для чтения.

— Лиза? — удивилась она. — Что случилось?

— Почему ты решила, что что-то случилось?

— Ты не приезжаешь без звонка в семь утра.

Анна заметила стоявшего за дочерью Лаврова.

— А это кто?

— Андрей Лавров. Следователь.

Лицо матери изменилось.

Совсем немного. Исчезла сонная мягкость, пальцы крепче сжали дверную ручку.

Лавров увидел это тоже.

— Нам нужно поговорить, — сказала Елизавета.

Анна отступила, пропуская их внутрь.

На кухне она поставила чайник и достала три чашки. Двигалась быстро, не задавая вопросов. Елизавета наблюдала за ней и впервые замечала то, чего раньше будто не существовало: мать не спросила о центре, о пациентах, об аварии.

Она ждала другой темы.

— Вчера у нас отключили электричество, — сказала Елизавета.

Анна поставила чашку на стол.

— Надолго?

— На семнадцать минут.

Чашка выскользнула из её пальцев.

Она ударилась о край стола, упала на пол и раскололась

на две части.

На кухне стало тихо.

Лавров не пошевелился.

Елизавета смотрела на мать.

— Ты даже не спросила, пострадал ли кто-нибудь.

— Я испугалась.

— Чего?

Анна наклонилась за осколками.

— Мама, оставь.

— Я сейчас уберу.

— Оставь чашку.

Что-то в голосе дочери заставило её выпрямиться.

— Ты сказала: семнадцать минут, — произнесла Анна. —

Я вспомнила больницу.

— Вчера мне принесли мою историю болезни.

Мать побледнела.

Теперь это было невозможно скрыть.

— Кто принёс?

— Женщина в сером пальто. Ты её знаешь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Она оставила записку: «Тебе солгали о тех семнадцати минутах».

Анна медленно опустилась на стул.

— Это жестокая шутка.

— Ночью мне позвонили.

— Кто?

— Женщина сказала, чтобы я нашла Максима Орлова. Имя подействовало сильнее, чем всё остальное.

Анна резко подняла голову.

— Он звонил тебе?

— Значит, ты его знаешь.

— Я спросила, звонил ли он.

— А я спросила, знаешь ли ты его.

Анна посмотрела на Лаврова, будто только сейчас вспомнила, что он находится в комнате.

— Я не хочу говорить при постороннем.

— Он расследует отключение в центре.

— Это семейное дело.

— Двадцать один год ты называла это медицинским делом. Теперь оно стало семейным?

Мать отвернулась.

Елизавета чувствовала, как внутри снова начинается счёт.

Один.

Два.

Три.

Лавров стоял у окна и молчал. Он не задавал вопросов, не вмешивался и не торопил. Но его присутствие не позволяло разговору превратиться в привычное материнское объяснение, после которого всё должно было снова стать простым.

— Ты сказала, что архив больницы затопило, — продолжила Елизавета. — Это правда?

— Часть документов действительно пропала.

— Моя история болезни пропала?

Анна провела ладонью по столу, собирая невидимые крошки.

— Мне так сказали.

— Кто?

— Главный врач.

— Карелин?

Мать закрыла глаза.

Этого было достаточно.

— Значит, ты помнишь его фамилию, — сказала Елизавета.

— Конечно, помню. Он руководил больницей.

— А Орлов?

— Был молодым врачом. Один из многих.

— Он спас меня?

Анна не ответила.

— Мама.

— Врачи работали вместе.

— Кто заставлял меня дышать?

— Я не знаю.

— Ты была рядом.

— Не всё время.

— Кто находился со мной в девятнадцать восемнадцать?

Анна встала и подошла к окну.

За стеклом дворник расчищал дорожку. Лопата равно-

мерно скребла по асфальту.

— Мне позвонили около восьми вечера, — сказала она.
— Сказали, что твоё состояние резко ухудшилось. Когда я приехала, меня долго не пускали в отделение.

— Почему?

— Говорили, что идёт реанимация.

— Семнадцать минут?

Мать обняла себя за плечи.

— Так сказал Карелин.

— А Орлов?

— Орлов сказал другое.

Лавров впервые изменил положение. Совсем немного повернул голову.

— Что именно? — спросила Елизавета.

Анна посмотрела на дочь.

— Что они потеряли время.

— Какое время?

— Он был в ужасном состоянии. На халате была кровь...

— Чья?

— Не знаю. Может быть, не твоя. Он повторял, что тебя нашли слишком поздно.

— Где нашли?

— Лиза, пожалуйста.

— Где меня нашли?

— Я не знаю!

Анна ударила ладонью по подоконнику и сразу испугалась

собственного крика.

— Мне никто ничего не объяснял. Карелин отвёл меня в кабинет и сказал, что произошла остановка сердца. Что тебя вернули через семнадцать минут. Что теперь нужно молиться и ждать.

— А Максим Орлов?

— Он ворвался в кабинет позже. Кричал, что Карелин лжёт. Что время записали неправильно. Что реанимация началась не тогда, когда указано в документах.

Елизавета почувствовала холод под рёбрами.

— Почему ты никогда мне не рассказывала?

— Потому что Карелин сказал, что Орлов пытается снять с себя ответственность.

— За что?

— За случившееся.

— Что случилось?

Анна снова отвернулась.

— Я не знаю.

— Ты повторяешь это слишком часто.

— Потому что мне действительно не сказали!

— Но Орлов пытался сказать.

Мать замерла.

— Он приходил к тебе после моей выписки?

Молчание.

— Приходил? — повторила Елизавета.

— Один раз.

— Ты говорила, что никогда с ним не встречалась.

— Я не хотела, чтобы он тревожил тебя.

— Что он хотел?

— Увидеть тебя. Рассказать свою версию. Он говорил, что ты должна знать правду.

— И ты его не пустила.

— Ты только начала ходить! Просыпалась по ночам, не узнавала собственную комнату. Вздрагивала, когда кто-нибудь выключал свет. Карелин предупредил, что новые потрясения могут разрушить всё, чего ты добилась.

— И ты поверила Карелину.

— Он был главным врачом.

— А Орлов — человеком, который меня спас.

Анна резко повернулась.

— Кто тебе это сказал?

Вопрос прозвучал не как удивление.

Скорее как страх, что дочь наконец услышала то, чего не должна была слышать.

Елизавета подошла ближе.

— Значит, это правда?

— Я не знаю.

— Ты снова лжёшь.

— Я защищала тебя.

— От кого? От Максима Орлова или от того, что он мог рассказать?

Анна взглянула на Лаврова.

— Уведите её.

— Я не могу увести Елизавету Дмитриевну из её собственного разговора, — спокойно ответил он.

— Вы не понимаете, что делаете.

— Тогда помогите нам понять.

Анна несколько секунд стояла неподвижно. Потом вышла из кухни.

Елизавета хотела пойти следом, но Лавров едва заметно качнул головой.

— Подождите, — сказал он тихо.

— Она может что-нибудь уничтожить.

— Если хотела уничтожить, сделала бы это за двадцать один год.

Мать вернулась с небольшой деревянной шкатулкой.

Елизавета помнила её с детства. В ней когда-то лежали катушки ниток, пуговицы и старые фотографии. Теперь шкатулка была заперта на маленький латунный ключ.

Анна поставила её на стол.

— После твоей выписки он написал несколько писем, — сказала она.

— Орлов?

Мать кивнула.

— Сколько?

— Не помню.

— Ты их читала?

— Первые два.

— А остальные?

— Складывала сюда.

Она достала ключ из кармана халата и открыла замок.

Внутри лежала перевязанная лентой пачка конвертов.

Все были адресованы Анне Морозовой.

В левом верхнем углу каждого стояла одна фамилия:

«Орлов».

Елизавета коснулась верхнего конверта.

Почтовый штемпель — 23 декабря 2004 года.

Через пять дней после того, как её сердце, по официальной версии, не билось семнадцать минут.

— Почему ты их сохранила? — спросила она.

— Не смогла выбросить.

— Но и мне не отдала.

— Я думала, однажды наступит подходящее время.

— Двадцати одного года оказалось недостаточно?

Анна опустила голову.

Елизавета развязала ленту.

Первый конверт уже был вскрыт. Бумага внутри пожелтела на сгибах. Она достала сложенный вдвое лист.

Почерк был резким и неровным, будто человек писал в спешке.

«Анна Сергеевна.

Я понимаю, почему вы не хотите меня видеть. Но Елизавета должна знать правду.

В 19:18 я наконец добрался до вашей дочери. Самостоятельного кровообращения уже не было, и я начал реанимацию.

Семнадцать минут после этого — время реанимации до восстановления ритма, а не доказанные семнадцать минут полной остановки до моего появления.

Если мы сейчас промолчим, однажды ей придётся заново пережить всё, что случилось в ту ночь».

Ниже стояла подпись:

«Максим Орлов».

Елизавета перечитала письмо.

Потом ещё раз.

Буквы оставались теми же, но смысл не укладывался в сознании.

— Что значит «семнадцать минут — время реанимации»?

— спросила она.

Анна молчала.

— Ты читала это письмо.

— Да.

— И ничего не спросила?

— Спросила.

— У кого?

— У Карелина.

— Что он ответил?

Мать закрыла шкатулку, хотя внутри оставались другие письма.

— Он сказал, что Орлов потерял рассудок после той ночи. Что пытается переписать события, чтобы избежать наказания.

— Какого наказания?

— За врачебную ошибку.

— Какую?

Анна посмотрела на дочь.

В её глазах стояли слёзы, но Елизавета впервые не чувствовала желания немедленно простить и успокоить её.

— Карелин сказал, что Орлов нашёл тебя там, где тебя уже не должно было быть.

— Где?

Губы матери дрогнули.

— Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Я обещала.

— Кому?

Анна отвела взгляд.

— Карелину?

Молчание стало ответом.

Лавров подошёл к столу и посмотрел на оставшиеся конверты.

— Здесь есть письма, которые вы не вскрывали?

— Да.

— Почему?

— После третьего Карелин запретил мне отвечать. Сказал, что Орлов опасен и будет использовать чувство вины, чтобы разрушить нашу семью.

— А вы поверили?

— Я хотела вернуть дочь домой.

Елизавета взяла следующий конверт.

Он был запечатан.

На лицевой стороне Максим Орлов написал не имя матери, а другую фразу:

«Передать Елизавете лично».

— Не открывай, — попросила Анна.

— Почему?

— Потому что после этого ничего уже нельзя будет вернуть.

Елизавета взглянула на неё.

— Вернуть что? Ложь, в которой я прожила двадцать один год?

Она поддела край конверта пальцем.

Бумага тихо треснула.

Внутри лежала фотография.

На снимке был больничный коридор. Тёмный, освещённый только красными аварийными лампами. В дальнем конце стоял молодой Максим Орлов. На руках он держал девушку в белой больничной рубашке.

Лицо девушки было повёрнуто к камере.

Елизавета узнала себя.

На обороте фотографии стояли дата и время:

«18 декабря 2004 года. 19:34».

Ниже рукой Орлова была написана одна строка:

«Через минуту они объявят, что её сердце снова начало биться».

Елизавета подняла глаза.

В кухне работали часы. Секундная стрелка двигалась ровно, отмеряя время, которое никто больше не мог переписать.

Один.

Два.

Три.

— Если в девятнадцать тридцать четыре я была у него на руках, — произнесла она, — значит, эти семнадцать минут были не временем моей смерти.

Лавров посмотрел на фотографию.

— Тогда нам предстоит выяснить, откуда он вас вынес.
Анна закрыла лицо руками.

И впервые за двадцать один год Елизавета услышала, как её мать произнесла имя человека, о котором в их доме запрещалось говорить:

— В документах было написано, что тебя отправили в морг.

Глава 4

Комната без окон

*«Судьбу, что можно изменить,
Переписав её сценарий!»*

— В документах было написано, что тебя отправили в морг.

Слова матери прозвучали негромко. Почти шёпотом. Но после них кухня будто стала меньше.

Елизавета смотрела на Анну и ждала, что та сейчас поправится. Скажет, что ошиблась, не так выразилась. Что речь идёт не о реальном месте, а о записи, которую кто-то оформил задним числом.

Мать молчала.

За окном дворник продолжал расчищать снег. Лопата ударялась об асфальт, скребла, снова поднималась. Обычный утренний звук. Настолько обычный, что от него становилось страшно.

— Повтори, — сказала Елизавета.

Анна убрала руки от лица.

— Не надо.

— Повтори.

— Лиза...

— Я хочу услышать это ещё раз.

Мать посмотрела на неё покрасневшими глазами.

— В письмах Максима было написано, что тебя оформили как умершую и отправили в морг.

Теперь слова не оглушили.

Они вошли медленно, одно за другим, и остались внутри.

Елизавета почувствовала холод. Не тот, который бывает возле плохо закрытого окна. Холод поднимался от пола, проникал под больничную рубашку, касался босых ног.

На одно короткое мгновение кухня исчезла.

Под спиной была металлическая поверхность. Над лицом — белая ткань. Где-то рядом тяжело закрылась дверь, и стало темно.

Елизавета резко вдохнула.

Кухня вернулась.

Андрей Лавров стоял возле стола и внимательно смотрел на неё.

— Сядьте, — сказал он.

— Не надо мной командовать.

— Тогда считайте это просьбой.

— Я в порядке.

— Нет.

Она хотела возразить, но колени вдруг стали слабыми. Елизавета опустилась на стул и положила ладони на стол. Дерево было тёплым.

Это помогло.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

Анна не ответила.

— Ты была там?

— Нет.

— Ты видела, как он меня вынес?

— Нет.

— Тогда откуда?

Мать посмотрела на письма.

— Максим рассказал.

— Когда?

— После твоей выписки.

— Ты сказала, что он приходил только один раз.

— Один раз он пришёл сам. Потом писал.

— И в письмах Максима было написано, что в журнале морга появилась запись обо мне?

— Да.

— Ты прочитала это и решила, что мне лучше ничего не знать?

— Я не знала, чему верить.

— Но письма сохранила.

— Потому что не могла выбросить.

— Двадцать один год ты каждое утро проходила мимо этой шкатулки. Перекладывала её, вытирала пыль, знала, что внутри лежит правда, и ни разу не подумала, что она принадлежит мне?

— Каждый день думала.

— И каждый день молчала.

Анна опустила голову.

Лавров взял со стола фотографию. Держал осторожно, только за края.

— Анна Сергеевна, — сказал он, — сейчас очень важно отделить то, что вы видели сами, от того, что вам рассказывали. Во сколько вы приехали в городскую больницу после «Авроры»?

— Около восьми.

— Точнее?

— Не помню.

— Вы приехали туда сами?

— Да.

— Кто сообщил, в какую больницу повезли Елизавету?

— Один из сотрудников скорой.

— Имя помните?

Анна устало посмотрела на него.

— Нет. Тогда я почти ничего вокруг не замечала.

— Когда вы приехали, Елизавета уже находилась в реанимации?

— Мне так сказали.

— Кто?

— Виктор Карелин.

— Вы видели дочь?

— Не сразу. Меня не пускали почти час.

— Орлова видели?

— Сначала нет. Он появился позже.

— В крови?

— На халате были пятна. На рукаве и на груди.

— Он сказал, что кровь принадлежала Елизавете?

— Нет.

— Что именно он вам сказал?

Анна обняла чашку обеими руками, хотя чай в ней давно остыл.

— Он ворвался в кабинет Карелина. Они начали кричать друг на друга. Максим говорил, что Лиза была жива. Что её нельзя было увозить. Что у неё сохранялось дыхание.

— А Карелин?

— Приказал ему выйти.

— И он вышел?

— Нет. Максим подошёл ко мне и сказал: «Ваша дочь не умирала. Запомните это». Потом Карелин вызвал охрану.

— Почему вы поверили Карелину, а не Орлову?

Анна долго не отвечала.

— Потому что Максим выглядел как безумный, — сказала она наконец. — Руки дрожали, халат был расстёгнут, на лице кровь. Он не мог говорить спокойно. А Карелин сидел за столом и объяснял всё понятными словами. Остановка сердца. Реанимация. Семнадцать минут. Тяжёлое состояние. Возможные последствия.

— Уверенный человек не всегда говорит правду, — про-

изнёс Лавров.

— Теперь я это знаю.

— Нет, — сказала Елизавета. — Теперь ты просто боишься, что я узнаю остальное.

Анна вздрогнула.

Елизавета подтянула к себе шкатулку. Внутри лежало ещё семь конвертов. Некоторые были вскрыты, остальные оставались запечатанными.

Она взяла второй.

На нём стояла дата: 27 декабря 2004 года.

— Ты читала?

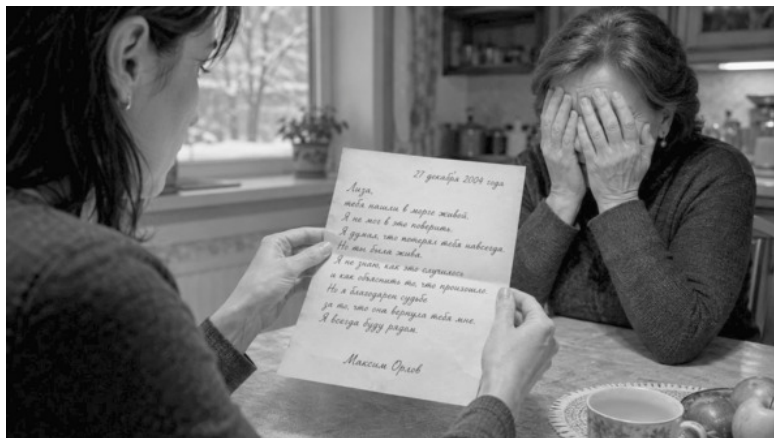
Анна кивнула.

— Читай вслух, — сказала Елизавета.

— Я не смогу.

— Тогда прочитаю я.

Бумага внутри оказалась тонкой, исписанной с обеих сторон.

Елизавета узнала резкий почерк Орлова.
«Анна Сергеевна.

Я не прошу вас верить мне на слово. В больничном архиве
есть журнал приёма умерших. В нём кто-то оформил запись,
будто Елизавету доставили в морг в 19:21. Это неправда.

В 19:18 я нашёл её не в морге, а в техническом помещении
«Авроры». Она лежала на каталке под простынёй.

Самостоятельного

дыхания

и

эффективного кровообращения не было. Я начал реани-
мацию.

В 19:35 нам удалось восстановить самостоятельное кро-
вообращение.

Позже я увидел, что в журнале отделения появилась запись, будто в 19:17 Елизавета находилась в сознании, а в журнале морга — будто в 19:21 её доставили туда. Эти документы не могут описывать реальный ход событий.

Такого не могло произойти случайно».

Елизавета остановилась.

Буквы на бумаге поплыли.

Она подняла взгляд на мать.

— Почему ты не пошла в полицию?

— Пошла.

— Что?

— На следующий день. Но Карелин уже подготовил заключение. В нём было написано, что Максим нарушил порядок реанимации и пытался скрыть собственную ошибку. Мне сказали, что, если я подам заявление, начнутся проверки, допросы, экспертизы. Что тебя могут перевести в другую больницу.

— И ты испугалась.

— Ты не двигала ногами. Не могла держать ложку. Иногда смотрела на меня и не понимала, кто я. Врачи говорили, что любое ухудшение может остаться навсегда.

— Поэтому ты выбрала молчание?

— Я выбрала тебя.

— Нет, мама. Ты выбрала человека, который обещал тебя не пугать.

Анна закрыла глаза.

Елизавета снова посмотрела на письмо.

Внизу была приписка:

«Я сделал копию страницы из журнала морга. Оригинал Карелин забрал утром 19 декабря. Копию передаю вам. Спрячьте её там, где люди Карелина не станут искать».

— Что он имел в виду? — спросила она.

Анна молчала.

— Ты знаешь, где доказательство?

— Нет.

— А третье письмо?

Мать побледнела.

Елизавета достала конверт с датой 4 января 2005 года. Он был вскрыт.

— Ты сказала, что прочитала только первые два.

— Третье открыл Карелин.

— Как оно оказалось у него?

— Я отнесла.

Елизавета медленно положила конверт на стол.

— Ты носила ему письма Максима?

— Только одно.

— Зачем?

— Хотела, чтобы он объяснил.

— И он объяснил?

— Сказал, что Максим одержим тобой. Что после случившегося у него началось расстройство. Что он пытается сделать меня соучастницей своей лжи.

— А письмо вернул?

— Через несколько дней.

— Уже вскрытым.

Анна кивнула.

Лавров надел тонкие перчатки и осторожно вынул лист.

Третье письмо было короче остальных.

«Анна Сергеевна.

Если Карелин утверждает, что записи не существует, спросите его, почему он приказал заложить дверь старой секционной комнаты.

Копия журнала находится в стене за вентиляционной решёткой. Нижний ряд, четвёртая комната.

Ключ я вложить не могу. После проверки у меня забрали пропуск. Но старая дверь открывается изнутри, если попасть в подвальный коридор через прачечную.

Пожалуйста, не передавайте это письмо Карелину».

На последней строке бумага была продавлена так сильно, что перо едва не прорвало лист.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Лавров сложил письмо.

— Старая больница ещё работает? — спросил он.

— Главное здание работает, — ответила Елизавета. — Подвальное отделение закрыли много лет назад. Новый морг построили в другом корпусе.

— Вы знаете расположение помещений?

— Я проходила там практику на четвёртом курсе.

— В морге?

— В больнице. В морг нас тоже водили.

— После того, что с вами произошло?

— Тогда я ещё не знала, что со мной произошло.

Лавров взглянул на часы.

— Поедем.

— Куда? — испуганно спросила Анна.

— В больницу.

— Сейчас?

— Если письмо читал Карелин, у него было двадцать один год, чтобы уничтожить копию.

— Тогда зачем ехать?

— Чтобы убедиться, что он её уничтожил.

Елизавета собрала письма и перевязала их лентой.

Анна положила ладонь поверх шкатулки.

— Не забирай.

— Это письма мне.

— Они адресованы мне.

— А написаны обо мне.

— Лиза, пожалуйста.

— Ты уже один раз решила, что мне не нужно их читать.

— Я боялась тебя потерять.

— А я всё это время боялась темноты и не знала почему.

Мать убрала руку.

Елизавета закрыла шкатулку.

В коридоре она надела пальто. Пальцы не слушались,

пуговицы выскальзывали. Лавров молча помог застегнуть верхнюю.

— Я сама, — сказала она.

— Вижу.

Она посмотрела на него.

— Не привыкайте.

— К чему?

— Делать вид, что заботитесь.

— Я не делаю вид.

Ответ прозвучал просто, без улыбки.

Елизавета первой отвела глаза.

Дорога к старой больнице заняла двадцать минут.

Снегопад закончился, но город ещё не успел прийти в се-

бя. Машины медленно ползли по нерасчищенным улицам. На остановках стояли люди, спрятав лица в воротники. Низкое зимнее небо светлело над крышами, и в этом бледном свете всё казалось плоским, почти бесцветным.

Шкатулка лежала у Елизаветы на коленях.

На светофоре Лавров посмотрел на неё.

— Вы помните морг?

— Нет.

— Совсем?

— Я помню металлический стол.

— Это воспоминание появилось сегодня?

— Я не уверена, что это воспоминание.

— А что?

— Возможно, я представила его после слов матери.

— Такое бывает.

— Я знаю.

— Вы всё время отвечаете как врач.

— Потому что я врач.

— Сейчас нет.

— А кто я сейчас?

Лавров снова посмотрел на дорогу.

— Человек, которому только что сказали, что двадцать один год его историю начинали с места, где он никогда не был.

Елизавета сжала шкатулку крепче.

— Моя жизнь не начиналась в морге.

— Хорошо.

— Не соглашайтесь со мной из жалости.

— Я не из жалости. Морг — это место, куда вас отправили только на бумаге. Настоящая история началась там, где вас нашёл Орлов.

— В техническом помещении «Авроры».

— Да.

Она хотела ответить резко, но не смогла.

За окном показалась больница.

Старое здание из красного кирпича стояло в глубине заснеженного

двора.

Центральный

корпус

давно отремонтировали: заменили окна, пристроили стеклянный вход, выкрасили стены первого этажа. Но левое крыло оставалось прежним — тёмным, узким, с зарешеченными подвальными окнами.

Елизавета смотрела на него, пока машина не остановилась.

В памяти вспыхнул красный свет.

Не лампа.

Полоса на потолке, скользившая над глазами, пока каталка двигалась по коридору.

Она закрыла дверцу машины.

— Вы побледнели, — сказал Лавров.

— Здесь холодно.

— Минус шесть. Вполне обычная температура.

— Вы всегда сообщаете людям очевидные вещи?

— Только когда они называют очевидно неверную причину.

Елизавета направилась к входу.

В приёмном отделении пахло хлоркой, мокрой одеждой и дешёвым кофе. За стойкой сидела молодая медсестра. Лавров показал удостоверение и попросил вызвать дежурного администратора.

Через десять минут к ним спустился мужчина в синем халате. Он представился заместителем главного врача и сразу сказал, что подвальные помещения закрыты.

— Там идёт подготовка к ремонту.

— Когда её начали? — спросил Лавров.

— Осенью.

— Кто имеет доступ?

— Техническая служба.

— Нам нужен старый морг.

Мужчина посмотрел на Елизавету.

— Он не используется больше восьми лет.

— Поэтому нам и нужен, — ответил Лавров.

— Без письменного распоряжения я не могу вас пропустить.

— Тогда оформляйте отказ. Укажите, что запретили осмотр помещения, связанного с расследованием умышлен-

ного отключения электроэнергии в медицинском учреждении и возможной фальсификацией документов.

Заместитель главного врача помолчал.

— Подождите здесь.

— Мы уже ждём.

Елизавета отошла к окну.

На стене висели фотографии прежних руководителей больницы. Виктор Карелин был на одном из снимков. Чуть моложе, чем она его помнила: тёмная борода, прямой взгляд, спокойная улыбка.

Под фотографией стояли годы руководства: 1998—2021.

Двадцать три года.

Он пережил проверки, реформы, смену администрации и ушёл на пенсию с благодарностью от города.

— Уверенный человек не всегда говорит правду, — произнесла Елизавета.

Лавров подошёл ближе.

— Что?

— Ничего.

Через несколько минут администратор вернулся с пожилым рабочим и связкой ключей.

— Сергей Петрович проводит вас, — сказал он. — Но ничего не трогайте.

Лавров посмотрел на него.

— Это медицинское учреждение. Не стройплощадка.

— Всё равно ничего не трогайте.

Сергей Петрович повёл их по длинному коридору, затем вниз по служебной лестнице. С каждым пролётом становилось холоднее. Больничные звуки оставались наверху. Исчезли голоса, звон посуды, сигналы аппаратов.

Остались только шаги.

Внизу рабочий открыл металлическую дверь.

— Здесь раньше прачечная была, — объяснил он. — Потом склад. А дальше морг.

— Вы работали здесь в две тысячи четвёртом? — спросил Лавров.

— Нет. Я пришёл через два года.

— Секционную комнату закладывали при вас?

Сергей Петрович остановился.

— Какую комнату?

— Нижний ряд, четвёртая.

Рабочий посмотрел на него с недоверием.

— Там стена.

— Давно?

— Сколько себя помню.

Коридор за дверью оказался узким. По стенам тянулись трубы, с потолка свисали провода. Свет горел только через одну лампу. Там, где лампы не работали, собиралась плотная серая темнота.

Елизавета шла второй.

Красная полоса снова появилась в памяти.

Потолок плыл над глазами.

Колёса ударялись о стыки пола.

Кто-то говорил:

«Быстрее. Пока никого нет».

Она остановилась.

Лавров повернулся.

— Что случилось?

— Здесь был другой свет.

— Какой?

— Красный.

Сергей Петрович пожал плечами.

— Аварийные лампы раньше красные стояли. Потом заменили.

Елизавета коснулась стены.

Под пальцами была холодная шершавая краска.

— Вы что-нибудь вспомнили? — спросил Лавров.

— Два слова.

— Какие?

Она посмотрела в конец коридора.

— «Пока никого нет».

Рабочий перестал звенеть ключами.

— Мужской голос? — спросил Лавров.

— Не знаю.

— Орлов?

— Нет. Не его. Этот голос был старше.

Где-то в трубе прошёл воздух. Раздался низкий протяжный звук, похожий на стон.

Елизавета закрыла глаза.

Темнота приблизилась.

Она снова лежала под тканью. Не могла поднять руку. Не могла позвать. Слышала шаги рядом, затем скрип металла.

«Сначала вдох».

Голос Максима возник так ясно, будто он стоял здесь.

«Потом следующий».

— Елизавета.

Она открыла глаза.

Лавров держал её за запястье.

— Отпустите.

— Когда почувствую пульс, который мне понравится.

— Вы не врач.

— Поэтому требования у меня скромные. Чтобы он просто был.

Елизавета выдернула руку.

— Я могу идти.

— Тогда идите.

Он не спросил, нужна ли ей помощь. Не предложил вернуться. Просто встал рядом, оставив между ними достаточно места.

Почему-то именно это помогло.

Сергей Петрович открыл следующую дверь.

За ней находилось помещение с белой плиткой. В центре стоял старый металлический стол, покрытый строительной плёнкой. Вдоль стены громоздились сломанные шкафы, ка-

талка без одного колеса и перевернутые стулья.

— Здесь? — спросил Лавров.

— Старый секционный зал, — ответил рабочий. — Холодильные камеры разобрали. Осталась только четвёртая комната, но входа в неё нет.

Он указал на дальнюю стену.

Оттенок плитки там отличался. Прямоугольный участок был заложен кирпичом и покрыт серой штукатуркой.

— Кто решил её закрыть? — спросила Елизавета.

— До меня это было.

Лавров подошёл к стене.

Справа находилась вентиляционная решётка.

Нижний ряд.

Елизавета вспомнила письмо.

«Копия журнала находится в стене за вентиляционной решёткой. Нижний ряд, четвёртая комната».

— Здесь, — сказала она.

Решётка держалась на четырёх винтах. Два были покрыты ржавчиной, а на головках других металл блестел.

Лавров присел.

— Их недавно откручивали.

— Ремонтники, — предположил Сергей Петрович.

— Когда здесь работали в последний раз?

— Недели три назад. Выносили старые трубы.

— Кто-нибудь приходил сегодня?

— Не должен был.

Лавров направил свет телефона на пол.

В пыли виднелись следы обуви.

Узкие подошвы. Небольшой размер.

Следы начинались у двери, подходили к вентиляции и возвращались обратно.

Елизавета почувствовала, как холод снова поднимается по спине.

— Женщина в сером пальто, — сказала она.

— Возможно, — ответил Лавров.

Он достал из кармана складной инструмент.

— Нам запретили что-нибудь трогать, — напомнила Елизавета.

— Я плохо переношу запреты, которые произносят до того, как понимают их смысл.

Первый винт поддался легко. Второй тоже. С двумя ржавыми пришлось повозиться.

Когда решётка отошла от стены, из отверстия пахнуло сыростью и старой пылью.

Лавров посветил внутрь.

— Пусто.

Елизавета опустилась рядом.

В глубине вентиляционного канала лежал только обрывок коричневой бумаги.

— Подождите.

Она просунула руку в отверстие.

— Осторожно.

— Там ничего нет.

Кончики пальцев коснулись металла.

Елизавета потянула предмет на себя.

Это была плоская жестяная коробка, не больше книги.

Крышка покрылась тёмными пятнами, края заржавели. Коробка застряла в узком проходе, но после нескольких попыток вышла.

На её поверхности кто-то нацарапал две буквы:

«Е. М.»

Сергей Петрович перекрестился.

— Я администратора позову.

— Позовите, — сказал Лавров. — И никого сюда не пускайте.

Рабочий быстро вышел.

Лавров сфотографировал коробку, пол, решётку и следы.

Потом надел новую пару перчаток.

— Открывайте, — сказала Елизавета.

— Это должен сделать специалист.

— Пока специалист приедет, сюда спустится половина больницы.

— Именно поэтому вам лучше отойти.

— Я двадцать один год стояла достаточно далеко.

Он посмотрел на неё, затем осторожно приподнял крышку.

Внутри лежал сложенный лист и маленький ключ с круглой биркой. На бирке было выбито число «4».

Бумага почти истлела по краям.

Лавров развернул её на металлическом столе.

Это была копия страницы из журнала приёма умерших.

Дата: 18 декабря 2004 года.

В графе времени стояло: 19:21.

Фамилия: Морозова.

Имя и отчество: Елизавета Дмитриевна.

Возраст: восемнадцать лет.

Причина поступления: остановка сердца.

Елизавета читала строку за строкой.

Почерк был ровным, почти красивым.

В последней графе стояла отметка:

«Возвращена в отделение в 19:34. Доставлена ошибочно.

Сохраняются дыхание и пульс».

Ниже стояла подпись, похожая на подпись Максима Орлова.

— Значит, эта запись действительно существовала, — сказала она.

— Да. Но она подтверждает не то, что вы физически были здесь. Она подтверждает, что кто-то оформил вас как умершую.

Лавров перевернул лист.

На обороте находилась копия другого документа — распоряжения о перевозке тела.

— Это невозможно, — прошептала Елизавета.

Распоряжение было напечатано в 18:42.

За тридцать пять минут до последней записи в истории болезни, где её состояние называлось стабильным.

За тридцать шесть минут до официальной остановки сердца.

Кто-то оформил отправку Елизаветы в морг так, будто решение приняли заранее.

Внизу стояла подпись человека, который якобы сопровождал пациентку.

Елизавета узнала фамилию сразу.

«Морозова А. Н.»

— В городскую больницу мама приехала только после восьми, — произнесла она.

Лавров ничего не ответил.

— Она не могла подписать этот документ в восемнадцать сорок две.

— Не могла.

— Значит, подпись подделали.

— Или Анна Сергеевна солгала о времени своего приезда.

Елизавета посмотрела на него.

— Она не была здесь.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Потому что она ваша мать?

— Потому что я знаю её подпись.

Елизавета наклонилась ближе.

Анна всегда писала первую букву фамилии особым образом: нижняя линия уходила далеко вправо и возвращалась под слово, словно подчёркивая его.

На документе было то же движение.

Та же длинная линия.

Тот же короткий изгиб в конце.

Елизавета вспомнила школьные записки, заявления в институт, поздравительные открытки. Эту подпись она видела тысячи раз.

Ошибиться было невозможно.

— Подпись настоящая, — сказала она.

В коридоре слышались шаги.

Лавров быстро сложил документ и убрал его обратно в коробку.

Елизавета продолжала смотреть на пустое место на столе.
В кармане завибрировал телефон.

Звонила Анна.

Елизавета не ответила.

Звонок прекратился и сразу начался снова.

— Возьмите трубку, — сказал Лавров.

— Не хочу.

— Она может знать, что мы найдём.

Елизавета включила громкую связь.

— Лиза, — голос матери дрожал. — Где ты?

— В старом морге.

На другом конце стало тихо.

— Ты нашла коробку?

Елизавета посмотрела на Лаврова.

Он замер.

— Откуда ты знаешь о коробке?

Анна тяжело вдохнула.

— Потому что я сама отнесла её туда.

— Когда?

— Двадцать один год назад.

— Ты сказала, что не была в морге.

— Я была там на следующий день.

— А восемнадцатого декабря?

Мать заплакала.

Не громко. Елизавета слышала только сбившееся дыхание.

— Мама, ты подписывала документ, который потом называли распоряжением о перевозке?

— Лиза, я не знала, что это такое.

— Подписывала?

— Карелин сказал, что без моей подписи тебе не оплатят лечение.

— Он показал тебе весь документ?

— Нет. Закрыв рукой верхнюю часть листа. Оставил только строку для подписи.

— Когда это было?

— После восьми. Уже в городской больнице, когда тебя увезли в реанимацию.

— Значит, время «18:42» появилось позже?

Снова молчание.

— Мама.

— Я весь день была в «Авроре». В больницу приехала вслед за скорой.

Елизавета перестала чувствовать холод.

— Ты сказала, что тебя вызвали туда позже.

— Я солгала.

— Почему?

— Потому что не хотела рассказывать, что работала в «Авроре» и сама вызвала скорую.

— Ты вызвала?

— Да. В восемнадцать пятьдесят восемь. Из подсобки лаборатории.

— Карелин знал?

Анна попыталась ответить, но голос сорвался.

— Узнал позже.

— И уже в больнице заставил тебя подписать бумаги?

За стеной заработала старая вентиляция. Из тёмного отверстия потянуло ледяным воздухом.

Елизавета перевела взгляд на металлический стол.

На серую строительную плёнку.

На ключ с номером «4».

Теперь она понимала главное.

Распоряжение было датировано временем до её падения, хотя мать подписала закрытый лист уже после восьми вечера.

Значит, документ оформили задним числом, используя настоящую подпись.

— Мама, — тихо спросила Елизавета, — кто превратил твою подпись в распоряжение о моей смерти?

В трубке раздался чужой мужской голос:

— Положите телефон, Анна Сергеевна.

Связь оборвалась.

Глава 5

Резервное питание

*«Когда мне было восемнадцать,
Я только начинала жить...»*

Связь оборвалась так резко, будто провод перерезали ножом.

Елизавета ещё несколько секунд держала телефон возле лица и слушала пустоту. На экране продолжалось время разговора: четыре минуты двадцать восемь секунд. Потом появились две короткие строки:

«Вызов завершён».

В старой секционной комнате стало тихо.

Сергей Петрович стоял у двери. Администратор больницы смотрел то на Елизавету, то на открытую вентиляционную решётку. Никто из них не слышал слов матери, но последний мужской голос прозвучал достаточно громко.

Лавров первым пришёл в движение.

— Номер вашей матери.

— У вас он есть.

— Назовите ещё раз.

Елизавета продиктовала.

Андрей набрал номер со своего телефона и включил громкую связь.

Один гудок.

Второй.

На третьем вызов сбросили.

Он позвонил снова.

Телефон Анны оказался выключен.

— Она никогда его не выключает, — сказала Елизавета.

— Даже ночью?

— Особенно ночью.

Лавров уже набирал другой номер.

— Дежурная часть? Лавров. Нужен ближайший экипаж по адресу...

Он вышел в коридор, продолжая говорить.

Елизавета посмотрела на металлическую коробку. На крышке темнели две нацарапанные буквы: «Е. М.».

Двадцать один год мать знала, где лежит доказательство.

Двадцать один год жила рядом с человеком, чья смерть была оформлена заранее, и молчала.

Теперь кто-то находился возле неё и решал, что она может сказать дочери.

Елизавета снова позвонила.

Телефон был выключен.

— Лиза, — тихо произнёс Сергей Петрович, — вам лучше сесть.

Она повернулась к нему.

— Почему все сегодня предлагают мне сесть?

Рабочий растерялся.

— Вы бледная.

— Здесь холодно.

Это было неправдой. Она почти не чувствовала холода.

Лавров вернулся через минуту.

— Экипаж будет у вашей матери через семь-восемь минут.

— Мы поедем туда.

— Сначала дождёмся подтверждения.

— Вы можете ждать.

Елизавета направилась к двери.

Лавров не стал преграждать дорогу. Он просто сказал:

— Если человек всё ещё в квартире, ваше появление ему только поможет.

Она остановилась.

— Чем?

— Он сможет контролировать сразу обеих.

Елизавета медленно повернулась.

— Вы предлагаете мне стоять здесь, пока неизвестный мужчина угрожает моей матери?

— Я предлагаю дать полицейским несколько минут.

— Вы не слышали её голос.

— Слышал.

— Тогда должны понимать.

— Именно поэтому я уже отправил экипаж, а не повёз вас

через половину города.

Она ненавидела его спокойствие.

Ещё сильнее она ненавидела то, что он был прав.

На экране её телефона появилось сообщение.

От матери.

«У меня всё хорошо. Не приезжай. Я сама всё объясню».

Елизавета прочитала дважды.

— Это писала не она.

Лавров подошёл ближе.

— Почему?

— Мама никогда не пишет «всё хорошо».

— А что пишет?

— «Всё нормально».

Он сфотографировал сообщение.

— Есть ещё особенности?

— После точки она всегда ставит скобку. Даже когда общается, что у неё поднялось давление.

— Позвоните.

Елизавета нажала на значок вызова.

Телефон снова был выключен.

Лавров посмотрел на часы.

— Ждём экипаж.

Старый морг будто сжимался вокруг них. За стеной работала вентиляция. Воздух проходил по пустым каналам, и иногда металлическая решётка начинала едва заметно дрожать.

Елизавета считала.

Один.

Два.

Три.

На счёте сто восемьдесят семь у Лаврова зазвонил телефон.

Он ответил сразу.

— Да.

Несколько секунд слушал.

— Дверь открыла сама?

Елизавета приблизилась.

— В квартире кто-нибудь есть?

Лавров перевёл взгляд на неё.

— Понял. Оставайтесь на месте. Я сейчас передам трубку дочери.

Он протянул телефон.

— Мама?

— Лиза, со мной всё хорошо.

Голос Анны был тихим, но уже не дрожал.

— Кто был рядом с тобой?

— Никого.

— Я слышала мужчину.

— Он уже ушёл.

— Кто он?

Мать не ответила.

— Мама, возле тебя сейчас полицейские?

— Да.

— Передай им телефон.

— Не надо.

— Кто к тебе приходил?

— Я не знаю его имени.

— Что он хотел?

— Поговорить.

— О чём?

На другом конце слышался шорох, затем голос полицейского:

— Елизавета Дмитриевна, с вашей матерью всё в порядке. Следов насильственного проникновения нет. Она отказывается подавать заявление.

— Спросите, кто приходил.

— Говорит, что знакомый.

— Она лжёт.

— Лиза, — вмешалась Анна. — Не приезжай сейчас.

— Почему?

— Потому что я всё испортила.

— Что именно?

Мать тяжело вдохнула.

— Он сказал, что прошлое должно оставаться там, где его похоронили.

Елизавета посмотрела на металлический стол.

— Кто сказал?

— Я не знаю.

— Ты только что назвала его знакомым.

— Я раньше его не видела.

— Он представился?

Анна молчала.

— Мама.

— Сказал, что приехал от Виктора Аркадьевича.

В секционной комнате стало ещё холоднее.

Виктор Аркадьевич Карелин.

Человек, который двадцать один год назад руководил клиникой «Аврора». Человек, закрывший рукой верхнюю часть документа, прежде чем дать Анне ручку. Человек, чей фонд теперь оплачивал лекарства, оборудование и почти треть программ центра «Второе дыхание».

— Что он потребовал?

— Чтобы я больше ничего тебе не рассказывала.

— И ты согласилась?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Мама, собери вещи. Полицейские отвезут тебя ко мне.

— Я никуда не поеду.

— Это не просьба.

— Я дома.

— Твой дом только что посетил человек, который знал, где мы находимся и о чём говорим.

— Здесь полиция.

— Она уедет.

— Лиза, пожалуйста. Мне нужно побыть одной.

— Именно сейчас?

— Особенно сейчас.

Елизавета закрыла глаза.

Ей хотелось приказать. Позвонить начальнику дежурной части. Поставить возле квартиры охрану. Привезти мать в центр и запереть дверь изнутри.

Сделать всё, чтобы снова не оказаться той восемнадцатилетней девушкой, за которую другие принимают решения.

— Передай телефон полицейскому, — сказала она.

На этот раз Анна подчинилась.

Лавров забрал трубку и отошёл в коридор. Он говорил негромко, но Елизавета различила отдельные слова: «наружное наблюдение», «описание», «запись подъезда», «не оставлять одну».

Когда он вернулся, металлическая коробка уже была закрыта.

— Возле дома останется машина, — сказал Андрей. — Записи с камер подъезда изымут. Вашей матери дали прямой номер дежурного.

— Она не позвонит.

— Знаю.

— Нет, не знаете.

— Люди, которые молчали двадцать один год, редко начинают говорить по инструкции.

Елизавета взглянула на него.

— Вы давно стали специалистом по молчанию?

— Достаточно давно.

Вопрос остался между ними.

Лавров первым отвёл взгляд.

— Коробку заберут на экспертизу. Копии документов сделают при вас.

— Я еду к матери.

— Хорошо.

— Вы не будете отговаривать?

— Нет. Но сначала вам нужно ответить на звонок.

Телефон Елизаветы снова вибрировал.

На экране высветилось имя:

«Сергей Карпов».

Главный инженер центра звонил уже в четвёртый раз.

* * *

— Я могу доказать, что это было сделано вручную, — сказал Карпов.

Елизавета стояла возле входа в генераторную и смотрела на три красные пломбы, натянутые поперёк двери. Рядом дежурил полицейский. На полу лежала тонкая полоска ещё не высохшей воды от растаявшего снега.

После звонка Карпова они вернулись в центр.

Ехать к матери Лавров запретить не мог, но Анна сама отказалась открывать дверь дочери. Она позвонила из квартиры и сказала, что не выйдет, пока Елизавета не перестанет обращаться с ней как с пациенткой.

Елизавета не стала спорить через закрытую дверь.

Оставила возле порога лекарства, запасной телефон и записку с одним словом:

«Позвони».

Теперь ей казалось, что она снова поступила неправильно.

— Вы слышали? — спросил Карпов.

— Да.

Он выглядел так, будто не уходил из центра со вчерашнего вечера. Рубашку сменил на серый свитер, но на рукаве осталось пятно машинного масла. Под глазами залегли тени.

— Тогда почему вы молчите?

— Жду доказательств.

Карпов показал на пломбы.

— Следственная группа закончила первичный осмотр. Нам разрешили войти при сотруднике полиции. Ничего не трогаем без перчаток.

— Что изменилось со вчерашнего вечера?

— Я восстановил журнал событий.

— Вы сказали, что сервер отключился.

— Сервер — да. Но у каждого контроллера есть собственная память. Она не зависит от общей сети и хранит последние операции даже без питания.

Лавров стоял у стены и просматривал сообщения в телефоне.

— Почему вы не проверили её ночью? — спросил он.

Карпов сжал губы.

— Потому что ночью я пытался вернуть электричество, а потом отвечал на вопросы людей, которые считали, что генератор сломался из-за моего недосмотра. К журналу событий нужен сервисный кабель. Он находился у подрядчика. Привезли только утром.

Полицейский снял пломбы и открыл дверь.

В генераторной пахло металлом, дизельным топливом и нагретой резиной. Два зелёных агрегата занимали почти всё помещение. Между ними проходила узкая полоса пола, размеченная жёлтой линией. На стене висели шкафы управления с рядами маленьких индикаторов.

Все лампы сейчас горели зелёным.

— Система работает? — спросила Елизавета.

— Сейчас — да.

— Может повториться вчерашнее?

— Само по себе — нет.

— А если сюда снова войдёт человек с ключом?

Карпов посмотрел на неё.

— Тогда может.

Он подвёл их к столу, на котором лежал ноутбук. На экране была открыта таблица с датами, временем и короткими техническими обозначениями.

— Объясняйте простыми словами, — сказала Елизавета.

— Попробую.

Карпов развернул к ним лист с нарисованной от руки схемой.

— У центра три уровня защиты. Первый — обычная городская сеть. Если она пропадает, автоматика запускает основной дизельный генератор. На это уходит от восьми до двенадцати секунд.

Он провёл пальцем по первой линии.

— Второй уровень — аккумуляторы. Они подхватывают критическое оборудование мгновенно и держат его до запуска генератора.

Палец переместился ниже.

— Третий — запасной дизель. Он нужен, если основной не запустился или не принял нагрузку.

— Вчера не сработало ничего, — сказала Елизавета.

— Именно.

— Такое возможно из-за одной неисправности?

— Нет.

Карпов ответил сразу.

— Даже если бы сгорел главный ввод, аккумуляторы продолжили бы питать аппараты. Если бы отказали аккумуляторы, запустился бы первый генератор. Если бы не запустился он, автоматика дала бы команду второму. Эти системы независимы.

— Но погасли одновременно.

— Потому что их отключали по отдельности.

Он увеличил таблицу.

— В девятнадцать часов девять минут шкаф автоматического ввода перевели в сервисный режим. После этого авто-

матика перестала реагировать на потерю внешнего питания.

На экране стояла строка:

«19:09:14. Режим управления: местный».

— Это можно сделать удалённо? — спросил Лавров.

— Нет. Нужно открыть шкаф и повернуть переключатель рукой.

Карпов указал на вторую строку.

— В девятнадцать двенадцать разомкнули цепь аккумуляторных батарей.

«19:12:47. Батарейная шина: отключена».

— Тоже вручную?

— Рычаг находится в соседнем помещении. Он тугой. Случайно задеть его невозможно.

Следующая запись появилась через четыре минуты.

«19:16:31. Генератор №2. Цепь управления разомкнута».

— Здесь сняли предохранитель, — продолжил Карпов. — Не выбило. Именно сняли. На держателе остались свежие следы инструмента.

— А первый генератор? — спросила Елизавета.

— Его не отключали.

— Но он не запустился.

— Потому что в девятнадцать девять автоматику перевели в сервисный режим. Без команды запуска он остался ждать.

Карпов прокрутил таблицу.

Последняя строка была выделена красным.

«19:18:03. Главный ввод: отключён».

Три секунды.

Елизавета смотрела на них и вспоминала, как дрогнули лампы. Как электронные часы над постом замерли на цифрах 19:18. Как из седьмой палаты донёсся металлический щелчок.

Кто-то стоял здесь и смотрел на часы.

В девятнадцать восемнадцать и три секунды этот человек опустил рычаг.

— Городская сеть не пропадала? — спросил Лавров.

— Ни на секунду. Напряжение оставалось стабильным. Метель здесь ни при чём.

— Когда питание вернулось?

Карпов открыл следующую запись.

«19:35:06. Главный ввод: включён».

— Это уже я, — сказал он. — Нашёл отключённую батарею, вернул её, потом включил главный ввод. На поиск ушло слишком много времени.

— Семнадцать минут и три секунды, — произнесла Елизавета.

Карпов опустил глаза.

— Да.

В помещении работала вентиляция, но Елизавете всё равно не хватало воздуха.

Она подошла к металлическому шкафу. На дверце осталась светлая царапина возле замка.

— Значит, человек заранее отключил резервы, а потом выключил основное питание.

— Да.

— Он знал устройство центра.

— Очень хорошо знал.

— И понимал, что произойдёт в палатах.

Карпов молчал.

— Он знал про Софью? — спросила Елизавета.

— Не обязательно именно про неё. Достаточно было знать, что здесь есть пациенты, зависящие от аппаратуры.

— Расписание её дыхательной тренировки было открытым.

— Лиза, — сказал Лавров.

Она резко повернулась.

— Не называйте меня так.

— Хорошо. Елизавета Дмитриевна, сейчас вы пытаетесь определить, была ли Софья целью. Пока доказательств нет.

— А что есть?

— Доказательство, что кто-то подготовил отключение заранее.

— Мне этого достаточно.

— Для чего?

— Чтобы перестать называть случившееся аварией.

Карпов закрыл ноутбук.

— Это ещё не всё.

Он взял со стола электронный секундомер.

— Мне нужно показать маршрут.

* * *

Первый шкаф находился в генераторной.

Второй — в аккумуляторной комнате за двумя противопожарными дверями.

Предохранитель запасного дизеля можно было снять только из отдельного щита в техническом коридоре. Главный ввод располагался ещё дальше — за лестницей, возле грузового лифта.

Карпов прошёл весь путь один раз медленно, объясняя каждое действие. Второй раз — так быстро, как позволяли узкие двери и замки.

Лавров засекал время.

Четыре минуты пятьдесят две секунды.

— Это если знать, куда идти, — сказал Карпов, тяжело дыша. — И если все двери открыты.

— В журнале между первым и последним действием почти девять минут, — заметил Андрей.

— Значит, времени хватало.

— Одному человеку?

— Да.

— Женщине в сером пальто?

Карпов посмотрел на него.

— Она появилась возле технического коридора в девятнадцать семнадцать.

— Именно.

Лавров открыл на телефоне кадр с камеры. Пожилая женщина шла вдоль стены, прижимая к себе тёмную сумку. Время в углу экрана показывало 19:17:08.

— К этому моменту автоматика уже восемь минут находилась в сервисном режиме, — сказал Андрей. — Аккумуляторы были отключены почти пять минут. Предохранитель сняли за тридцать семь секунд до её появления.

Елизавета взглянула на фотографию.

— Она могла войти раньше через другую дверь.

— Нет, — ответил Карпов. — Все технические двери оборудованы датчиками. Даже если камера не работает, открытие записывается в локальную память контроллера.

— Тогда кто отключил систему?

— Тот, кто вошёл до неё.

Карпов снова открыл ноутбук.

В отдельном окне находился журнал доступа. В строках шли номера карт, названия дверей и время прохода.

— В восемнадцать пятьдесят четыре техническая дверь открылась, — сказал он. — Человек вошёл со стороны внутреннего двора.

— Камера? — спросила Елизавета.

— Объектив закрыла снежная наледь. На записи только белое пятно.

— Карта доступа?

Карпов задержал пальцы над клавиатурой.

— Вот здесь начинается странное.

— До этого всё было обычным?

Он не ответил.

На экране появилась строка:

«18:54:22. Вход разрешён. Карта ТС-017».

— Чья она?

— В нашей действующей базе такой карты нет.

— Но дверь её приняла.

— Потому что данные остались в памяти контроллера. Карту удалили с центрального сервера, но кто-то не стёр её из локального списка.

— Когда её выдали?

Карпов открыл старый архив.

— Четыре года назад. Во время монтажа системы резерв-

ного питания.

— Подрядчику?

— Нет.

Он развернул ноутбук к Елизавете.

В графе «Организация» стояло:

«Фонд В. А. Карелина».

Ниже:

«Служба безопасности».

— У карты был конкретный владелец? — спросил Лавров.

— Фамилия не указана. Такие пропуска выдавали временно, на группу сотрудников.

— Кто должен был забрать их после окончания работ?

— Я.

— Забрали?

Карпов провёл ладонью по лицу.

— Все семнадцать. Я лично пересчитал карты и передал их представителю фонда для уничтожения.

— Значит, эта карта не должна существовать, — сказала Елизавета.

— Не должна.

— Но вчера ею открыли дверь.

— Да.

Лавров сфотографировал экран.

— Кто мог оставить копию?

— Любой, у кого карта находилась хотя бы несколько минут. Идентификатор можно перенести на другой носитель.

— Почему номер семнадцать?

— Последняя в комплекте.

Семнадцать.

Елизавета посмотрела на время входа.

18:54.

Человек с картой службы безопасности вошёл в здание за двадцать четыре минуты до отключения. У него было достаточно времени, чтобы открыть шкафы, разомкнуть аккумуляторную цепь, снять предохранитель и дожидаться нужной секунды.

А женщина в сером пальто появилась позже.

— Значит, их было двое, — сказала она.

— Или больше, — ответил Лавров.

— Женщина принесла медицинскую карту.

— Возможно.

— А второй человек отключил электричество, чтобы она попала в мой кабинет.

— Или чтобы все смотрели на неё, пока он делал что-то ещё.

Елизавета вспомнила тёмные коридоры. Открытые палаты. Сотрудников, переносивших пациентов ближе к лестницам. Двери, которые в обычное время оставались закрытыми. Семнадцать минут, когда весь центр жил по аварийному протоколу.

— Архив, — сказала она.

Карпов не понял.

— Что?

— Во время отключения двери архива разблокировались?

— Электронные замки перешли в безопасный режим.

— То есть открылись.

— Да.

Елизавета посмотрела на Лаврова.

— Пока я спасала Софью, кто-то мог войти в любую комнату.

— Поэтому сейчас проверим весь центр.

— Не сейчас. Нужно было проверить ночью.

— Ночью мы искали человека, который оставил папку в вашем кабинете.

— И позволили другому уйти.

Слова прозвучали жёстче, чем она хотела.

Лавров не стал оправдываться.

— Возможно.

Это короткое признание остановило её сильнее любого возражения.

Карпов опустил на стул.

— Я должен был заметить карту раньше.

— Вы должны были сделать так, чтобы она не работала,
— сказала Елизавета.

— Я удалил все временные пропуска из общей базы.

— Но не из контроллера.

— Этим занималась обслуживающая организация.

— Которую выбрал фонд.

— Да.

Карпов поднял на неё глаза.

— Если хотите отстранить меня, я пойму.

Елизавета перевела взгляд на его руки. На коже возле ногтей осталась чёрная машинная пыль. Вчера этими руками он возвращал питание. Сегодня восстанавливал журналы, которые могли сделать его самого подозреваемым.

— У кого есть права менять локальные списки? — спросила она.

— У меня и у специалиста обслуживающей организации.

— Ваши действия записываются?

— Все.

— Передайте журналы Лаврову.

— Уже передал.

— Тогда продолжайте работать.

Карпов кивнул.

На лице появилось облегчение, но только на мгновение.

— Есть ещё одна вещь.

Он подошёл к шкафу главного ввода и указал на маленькую круглую наклейку возле замка.

— После каждого обслуживания мы ставим контрольную пломбу. На ней номер и дата.

Пломба выглядела целой.

— Её не вскрывали, — сказала Елизавета.

— Вскрывали.

Карпов направил свет фонаря сбоку. Под прозрачной

плёнкой проступила тонкая неровная линия.

— Её разрезали по краю, а потом приклеили обратно. Если смотреть прямо, незаметно.

Лавров наклонился.

— Сделано аккуратно.

— Человек знал, что утром я первым делом проверю пломбы.

— Но не знал про внутреннюю память контроллера?

— Возможно, знал и про неё.

— Тогда зачем оставил записи?

Карпов пожал плечами.

— Может быть, не смог удалить. Для этого нужен другой уровень доступа.

Елизавета ещё раз посмотрела на пломбу.

— Или хотел, чтобы мы их нашли.

Лавров выпрямился.

— Зачем?

— Чтобы доказать, что отключение было не случайным.

— Это могло понадобиться женщине, которая принесла вашу карту.

— Она рисковала жизнями пациентов.

— Возможно, у неё не было другого способа заставить вас открыть документы.

— Способ есть всегда.

— Вы уверены?

Елизавета вспомнила мать за закрытой дверью.

Максима, отправлявшего письма, которым никто не пове-
рил.

Копию журнала, спрятанную в стене старого морга.

Двадцать один год молчания.

— Нет, — сказала она. — Больше не уверена.

* * *

Софья не спала.

Она лежала на боку и смотрела в окно. Снег на подокон-
нике поднялся почти до середины стекла. На тумбочке сто-
ял тот же аккумуляторный светильник, который принесли во
время отключения, хотя электричество давно работало.

Елизавета остановилась возле двери.

— Почему не включаешь верхний свет?

Софья не повернулась.

— Этот надёжнее.

— Батареи хватит на шесть часов.

— А потом?

— Поставим на зарядку.

— Если электричество не отключится.

Елизавета вошла в палату.

На мониторе ровно двигалась зелёная линия. Показатели
были стабильными. Переносной дыхательный блок стоял у
стены, полностью заряженный и готовый к работе.

— Больше такого не произойдёт, — сказала она.

Софья посмотрела на неё.

— Вы не можете обещать.

Елизавета хотела возразить, но остановилась.

— Не могу.

— Тогда зачем обещаете?

— Потому что врачи иногда думают, что уверенность лечит.

— Лечит?

— Иногда.

— А враньё?

— Никогда.

Софья перевела взгляд на светильник.

— Та женщина тоже врала?

— Какая?

— В сером пальто.

— Что именно она сказала?

— Что ничего плохого не случится.

Елизавета придвинула стул.

— Когда она это сказала?

— Перед тем как погас свет.

— Точнее.

— Она зашла ко мне и спросила, боюсь ли я темноты. Я сказала, что мне всё равно. Тогда она посмотрела на аппарат и сказала: «Здесь предусмотрено резервное питание. Ничего плохого не случится».

— Она знала про отключение?

— Не знаю.

— Каким был её голос?

— Спокойным.

— Она торопилась?

— Нет.

— Что делала потом?

— Вышла.

— Куда пошла?

— Я не видела.

Елизавета посмотрела на дверь. От палаты до её кабинета можно было дойти меньше чем за минуту. До технического коридора — за две.

— Софья, постарайся вспомнить. У неё была сумка?

— Да.

— Большая?

— Тёмная. Через плечо.

— Она могла спрятать туда медицинскую папку?

— Наверное.

— А коробку?

— Какую коробку?

— Неважно.

Софья помолчала.

— Елизавета Дмитриевна.

— Да?

— Она знала, что вы придёте.

— Почему ты так решила?

— Потому что сказала: «Когда станет темно, она выберет тебя».

Елизавета почувствовала, как пальцы сильнее сжали край стула.

— Точно так и сказала?

— Да.

— Не «она поможет тебе»? Не «она придёт»?

— Нет. «Она выберет тебя».

Софья повернулась на спину.

— Что это значит?

Елизавета посмотрела на дыхательный блок. На заряженный аккумулятор. На зелёную линию монитора.

Во время отключения она действительно выбрала Софью.

Не архив.

Не собственный кабинет.

Не документы.

Девушку, которая не могла дышать без помощи.

Тот, кто подготовил исчезновение света, знал, какой выбор она сделает.

— Это значит, что женщина хорошо меня изучила, — сказала Елизавета.

— Вы её найдёте?

— Да.

— А электричество снова не погаснет?

Елизавета не стала обещать.

Она поднялась и включила верхний свет. Потом подошла к стене и нажала кнопку проверки аварийной линии.

На потолке вспыхнула отдельная лампа.

Белая, резкая, слишком яркая.

— Теперь у нас новые аккумуляторы, — сказала она. —

Их нельзя отключить из генераторной.

— А откуда можно?

— Из этой палаты.

Елизавета показала на закрытый шкаф возле кровати.

— Ключ будет у дежурной медсестры. Второй — у меня.

— А если кто-нибудь заберёт ваш ключ?

— Тогда придётся сначала забрать его у меня.

Софья впервые за всё утро улыбнулась.

Совсем немного.

— Это сложно?

— Очень.

Елизавета выключила верхний свет, оставив аварийную лампу и маленький светильник на тумбочке.

У двери её ждал Лавров.

— Вы всё слышали? — спросила она.

— Почти.

— Подслушивать пациентов запрещено.

— Я стоял в открытом коридоре.

— От этого подслушивание не становится законным.

— Зато иногда становится полезным.

Он протянул ей распечатку журнала доступа.

Карта ТС-017.

Фонд Виктора Карелина.

Служба безопасности.

— Я связался с организацией, которая обслуживает систему, — сказал Лавров. — Они нашли старый акт передачи пропусков.

— Все семнадцать были возвращены?

— На бумаге — да.

— Кто расписался за получение?

Андрей перевернул лист.

Внизу стояла подпись.

Фамилия была напечатана рядом, крупными чёрными буквами:

«Тарасов Олег Викторович».

— Кто это? — спросила Елизавета.

— Начальник безопасности фонда Карелина.

В конце коридора открылась дверь лифта.

Из кабины вышел высокий мужчина в чёрном костюме. Он остановился возле поста, снял кожаные перчатки и показал администратору удостоверение.

Потом повернул голову.

Даже с расстояния Елизавета увидела, что он смотрит прямо на неё.

— Кажется, — тихо сказал Лавров, — теперь можно спросить у него самого.

Мужчина направился к ним.

В его правой руке была связка ключей.

На круглом металлическом жетоне стояло число:
«17».

Глава 6

Человек с тростью

*«Но жизнь моя хотела оборваться,
И тело не хотело мне служить...»*

Ключи тихо звякнули в руке Олега Тарасова.

Он шёл по коридору не спеша, словно заранее знал, что его заметили, узнали и теперь будут ждать. Высокий, широкоплечий, в чёрном костюме, который выглядел слишком официальным для больничного утра. На тёмном пальто ещё не растаяли редкие снежинки. Галстук был затянут ровно, перчатки сложены одна в другую.

Человек, привыкший входить туда, куда его не приглашали, и вести себя так, будто помещение принадлежит ему.

Елизавета смотрела не на лицо.

На ключи.

Жетон поворачивался при каждом шаге, то скрывая цифры, то снова подставляя их под белый больничный свет.

Семнадцать.

Тарасов остановился в двух шагах от них.

— Елизавета Дмитриевна Морозова?

Голос был низким и спокойным.

На мгновение перед ней возникла старая секционная комната. Металлический стол. Телефон возле уха. Испуганное дыхание матери.

«Положите телефон, Анна Сергеевна».

Елизавета не была уверена, что это тот же голос. В трубке он звучал глуше. Между ними лежали расстояние, плохая связь и шум вентиляции.

Но интонация была похожей.

Не угрожающей.

Хуже.

Так говорили люди, которым не требовалось повышать голос, потому что окружающие и без того выполняли их распоряжения.

— Вы уже знаете, кто я, — сказала она.

— Разумеется.

Тарасов перевёл взгляд на Лаврова.

— Андрей Михайлович.

— Олег Викторович.

Они не пожали друг другу руки.

Елизавета взглянула на Лаврова.

— Вы знакомы?

— Встречались, — ответил Андрей.

— По работе, — добавил Тарасов.

Он произнёс это так, будто работа у них была общей. Лавров не стал уточнять.

— Что привело вас в центр? — спросила Елизавета.

— Вчерашнее происшествие. Фонд Виктора Аркадьевича финансирует часть ваших программ и несёт ответственность за оборудование, приобретённое на его средства. После аварии мне поручено оценить состояние системы безопасности.

— Быстро вам поручили.

— Мы стараемся быстро реагировать на угрозы.

— Даже если сами их создаём?

Тарасов едва заметно улыбнулся.

— Не уверен, что правильно вас понял.

Лавров поднял распечатку.

— Тогда я объясню. Вчера в восемнадцать часов пятьдесят четыре минуты в здание вошёл человек с временной картой службы безопасности фонда. Карта зарегистрирована под номером семнадцать. По документам комплект таких карт получили вы.

Тарасов посмотрел на лист, но брать его не стал.

— Получал.

— Все карты были возвращены?

— Насколько помню.

— В акте стоит ваша подпись.

— Значит, были возвращены.

— Однако одной из них воспользовались вчера.

— Тогда вам следует поговорить с организацией, которая обслуживает систему доступа.

— Поговорили.

— И что они сказали?

— Что именно вы расписались за получение семнадцати карт.

Тарасов снова улыбнулся. На этот раз улыбка была предназначена только Лаврову.

— Вы повторяетесь, Андрей Михайлович.

— Иногда это помогает получить ответ.

— Я его уже дал.

— Нет. Вы сказали, что карты были возвращены. Я спрашиваю, почему одна из них до сих пор работает.

— Не знаю.

— Где вы находились вчера между восемнадцатью и двадцатью часами?

— Это допрос?

— Пока вопрос.

Тарасов повернул голову к Елизавете.

— Мне казалось, мы приехали помочь центру.

— Мы?

— Фонд.

— Фонд прислал начальника службы безопасности с ключами от моего здания.

Она указала на связку в его руке.

Тарасов посмотрел на жетон так, словно только сейчас вспомнил о его существовании.

— Это ключи от служебных помещений фонда.

— И все они носят номер семнадцать?

— Только комплект.

— Удобное совпадение.

— Цифры часто совпадают, если слишком долго их искать.

Елизавета почувствовала, как рядом едва заметно изменилось дыхание Лаврова. Он не вмешался. Ждал.

Тарасов поднял связку и отделил металлический жетон от остальных ключей.

— Шкаф номер семнадцать в архивном помещении фонда. Если хотите, можете проверить.

— Проверим, — сказал Лавров.

Тарасов протянул жетон ему.

— Не сомневался.

Лавров не взял.

— Положите на стойку.

— Боитесь испортить отпечатки?

— Боюсь, что вы потом скажете, будто я его подменил.

Улыбка исчезла с лица Тарасова.

Он положил связку на стойку администратора.

Металл ударился о камень.

Несколько сотрудников в дальнем конце коридора обернулись на звук и тут же отвели глаза.

— Теперь ответьте, где вы находились вчера вечером, — сказал Лавров.

— На благотворительном приёме в областной филармонии. Около двухсот гостей, камеры телевидения и охрана губернатора. Надеюсь, этого достаточно?

— Во сколько вы приехали?

— До семи.

— Точнее.

— В восемнадцать сорок.

— Когда уехали?

— После десяти.

— Здание покидали?

— Нет.

— Телефон кому-нибудь передавали?

— Нет.

— Служебную машину?

— У меня есть водитель.

— Его имя?

— Вы можете направить официальный запрос.

— Направлю.

Тарасов вздохнул, показывая, что его терпение ещё не исчерпано, но уже подвергается испытанию.

— Если вопросов больше нет, я хотел бы осмотреть технические помещения.

— Нет, — сказала Елизавета.

Он повернулся к ней.

— Простите?

— Доступ в генераторную закрыт. Там работает следственная группа.

— Я представляю организацию, которая оплачивала установку генераторов.

— А я представляю организацию, в которой вчера едва не погибли пациенты.

— Именно поэтому я и приехал.

— Вы приехали через несколько минут после того, как мы нашли карту вашей службы безопасности.

Тарасов посмотрел на Лаврова.

— Вы сообщили ей?

— Она присутствовала при обнаружении.

— Неосмотрительно.

— Почему?

— Потому что Елизавета Дмитриевна врач, а неследователь. Сейчас ей важнее заниматься пациентами, чем строить версии.

Елизавета сделала шаг вперёд.

— Не решайте, что для меня важнее.

— Я не решаю. Я напоминаю о ваших обязанностях.

— Мои обязанности — не позволять посторонним проникать в центр.

— Я не посторонний.

— Тогда покажите свой пропуск.

В коридоре стало тихо.

Тарасов медленно расстегнул пальто и достал из внутреннего кармана пластиковую карту. На ней были эмблема фонда, фотография и фамилия.

Елизавета не протянула руку.

— Это пропуск фонда. Не центра.

— Раньше его было достаточно.

— Раньше здесь не отключали аппараты жизнеобеспечения.

— Вы уже решили, что фонд имеет к этому отношение?

— Я решила, что человек с картой фонда находился в здании перед отключением.

— Ваша система безопасности показала карту. Не человека.

— Вы хорошо осведомлены о том, что показала система. Тарасов на секунду задержал на ней взгляд.

— Виктор Аркадьевич позвонил мне рано утром. Он обеспокоен.

— Состоянием пациентов?

— Всем, что произошло.

— И моей матерью тоже?

Лавров повернулся к Елизавете, но она продолжала смотреть на Тарасова.

Тот не изменился в лице.

Только большой палец правой руки один раз провёл по краю перчаток.

— При чём здесь ваша мать?

— Вчера у неё был человек от Виктора Аркадьевича.

— Многие люди работают с Виктором Аркадьевичем.

— Этот пришёл без приглашения и потребовал, чтобы она молчала.

— В таком случае вашей матери следовало обратиться в

полицию.

— Она обратилась.

— Насколько мне известно, заявления не было.

Елизавета почувствовала холод между лопатками.

— Откуда вам известно?

Тарасов понял ошибку.

Это произошло быстро: короткая пауза, движение глаз, чуть более глубокий вдох.

Но произошло.

— Вы сами только что сказали, что она обратилась в полицию.

— Я сказала, что у неё был человек.

Лавров приблизился.

— Кто сообщил вам об отсутствии заявления?

— Юридическая служба фонда отслеживает всё, что может иметь отношение к репутации Виктора Аркадьевича.

— Полиция не обязана информировать вашу юридическую службу о решениях Анны Морозовой.

— Значит, информация поступила от неё самой.

— Вы с ней разговаривали?

— Нет.

— Ваши сотрудники?

— Мне неизвестно.

— Вчера около восьми вечера вы звонили Анне Морозовой?

— Нет.

— Находились в её квартире?

Тарасов посмотрел прямо на него.

— Я уже сказал, где находился.

— Голос можно передать по телефону.

— Вы всерьёз считаете, что я во время благотворительного приёма звонил пожилой женщине и угрожал ей?

— Я пока ничего не считаю. Я спрашиваю.

— Тогда запишите ответ: нет.

Лавров достал телефон.

— Повторите.

— Что?

— Полностью. «Я не звонил Анне Морозовой и не поручал никому требовать от неё молчания».

Тарасов посмотрел на включённый диктофон.

— Вы пытаетесь устроить представление.

— Повторите, и представление закончится.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга.

Потом Тарасов произнёс отчётливо:

— Я не звонил Анне Морозовой и не поручал никому требовать от неё молчания.

— Спасибо.

Лавров выключил запись.

— Теперь технические помещения, — сказал Тарасов.

— Нет, — повторила Елизавета.

— У фонда есть право контролировать приобретённое оборудование.

— После завершения осмотра получите письменный отчёт.

— Виктор Аркадьевич предпочитает лично убедиться, что его деньги используются правильно.

— Тогда ему придётся подождать.

— Он не привык ждать.

— Это не медицинский диагноз. Здесь с этим ничего не сделают.

В глазах Тарасова мелькнуло что-то похожее на раздражение.

Он взял ключи со стойки.

— Вы напрасно превращаете давнего друга вашей семьи во врага.

— Друзья не оформляют смерть живого человека.

Теперь изменилось не только его лицо.

Пальцы сомкнулись на связке так резко, что край одного ключа впился в кожу.

— Не понимаю, о чём вы.

— Понимаете.

— Если у вас есть обвинения, передайте их следователю.

— Он стоит рядом.

— Тогда тем более странно обсуждать их в коридоре.

Тарасов посмотрел на Андрея.

— Полагаю, вы объясните Елизавете Дмитриевне, что распространение недоказанных обвинений может иметь последствия.

— А вы объясните Виктору Аркадьевичу, — сказал Лавров, — что попытка давления на свидетеля тоже имеет последствия.

— Кто здесь свидетель?

— Это мы ещё выясним.

Тарасов надел перчатки.

— Виктор Аркадьевич приедет сегодня.

— Зачем? — спросила Елизавета.

— Помочь.

— Я не просила.

— Иногда помощь нужна именно тем, кто её не просит.

Он произнёс это спокойно, почти доброжелательно.

И Елизавета поняла, почему голос показался ей знакомым.

Не тембр.

Не громкость.

Уверенность человека, который считает чужой отказ временным неудобством.

Тарасов направился к лифту.

— Олег Викторович, — окликнул Лавров.

Тот остановился.

— Жетон.

— Что с ним?

— Оставьте.

— Он принадлежит фонду.

— Теперь он может иметь отношение к проверке.

Тарасов несколько секунд держал связку в руке. Затем снял круглый жетон с кольца и положил его на стойку.

— Берегите, — сказал он. — Это всего лишь номер.

Двери лифта закрылись.

Красные цифры над ними начали уменьшаться.

Три.

Два.

Один.

Елизавета смотрела на металлический кружок.

— Он был у моей матери.

— Вы узнали голос?

— Не уверена.

— Этого недостаточно.

— Для вас?

— Для протокола.

— А без протокола?

Лавров посмотрел на закрытые двери лифта.

— Без протокола я бы не оставлял его рядом с человеком, которого пытаются заставить молчать.

— Значит, вы мне верите.

— Я верю фактам. Он знал, что ваша мать не подала заявление. Узнать это законным способом он не мог.

— Может, она сама позвонила в фонд.

— Может.

— Но вы так не думаете.

— Я думаю, что нам нужно проверить её телефон.

Елизавета достала свой.

— Она не ответит.

— Тогда придётся попросить иначе.

— Приказать?

— Нет. Объяснить, что молчанием она защищает не вас.

Елизавета посмотрела на него.

— Вы уверены, что это сработает?

— Нет.

— Тогда почему предлагаете?

— Потому что иногда человеку нужно услышать правду не от того, кому он боится причинить боль.

Он взял со стойки жетон салфеткой и убрал в прозрачный пакет.

На металле осталась маленькая тёмная царапина, пересекавшая единицу.

Елизавета подумала, что некоторые цифры слишком долго присутствовали в её жизни, чтобы остаться всего лишь числами.

Анна ответила только на четвёртый звонок.
Не Елизавете.
Лаврову.

Он разговаривал с ней в пустом кабинете заведующей отделением, закрыв дверь и оставив телефон на столе между собой и Елизаветой. Громкую связь не включал. Елизавета слышала только его вопросы и длинные паузы между ними.

— Анна, я не прошу вас приезжать.

Пауза.

— Нет, ваша дочь находится рядом.

Ещё одна.

— Потому что это касается не только вас.

Он слушал дольше минуты.

Елизавета стояла возле окна. Во дворе Карпов вместе с

двумя сотрудниками проверял замок технического входа. Свежий снег уже скрывал следы, найденные после отключения.

— Вы можете не называть имя, — сказал Лавров. — Скажите, видели ли вы этого человека раньше.

Он открыл на телефоне фотографию Тарасова, сделанную в коридоре.

— Я отправил снимок.

Анна что-то ответила.

— Посмотрите внимательно.

Елизавета обернулась.

По лицу Андрея невозможно было понять, что говорит мать.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Тогда другой вопрос. Голос вам знаком?

Пауза стала длиннее.

Лавров поднял глаза на Елизавету.

— Анна, мне нужен ответ.

Она не выдержала.

— Дайте трубку.

Андрей накрыл телефон ладонью.

— Подождите.

— Она снова скажет, что ничего не знает.

— Возможно.

— Потому что боится.

— Именно поэтому вы сейчас не будете на неё давить.

— Это моя мать.

— А разговор веду я.

Елизавета почувствовала, как внутри поднимается привычное сопротивление. Ей хотелось забрать телефон, потребовать, заставить мать сказать хотя бы одну правдивую фразу без оговорок и просьб о прощении.

Но она осталась у окна.

Лавров убрал ладонь.

— Анна, человек на фотографии приходил к вам вчера?

На этот раз ответ прозвучал так громко, что Елизавета услышала:

— Нет.

Слишком быстро.

Лавров тоже это понял.

— Вы уверены?

— Я сказала, что раньше его не видела.

— Я спросил не об этом.

Молчание.

— Он представился сотрудником фонда?

— Я не помню.

— Вы помните его лицо?

— Было темно.

— В квартире?

— В подъезде.

— Раньше вы сказали полиции, что разговаривали на кухне.

Анна тяжело вдохнула.

— Я могла ошибиться.

— Где вы с ним разговаривали?

— Не знаю.

— Он входил в квартиру?

— Нет.

— Анна.

— Я не хочу больше об этом говорить.

— Он угрожал вам?

— Нет.

— Вашей дочери?

Тишина.

Елизавета подошла к столу.

Лавров не остановил её, когда она взяла телефон.

— Мама.

— Лиза, пожалуйста.

— Он угрожал мне?

— Нет.

— Тогда почему ты молчишь?

— Потому что ты не понимаешь, с кем связалась.

— Объясни.

— Я не могу.

— Или не хочешь?

— Есть вещи, которые нельзя исправить.

— Ты уже двадцать один год так говоришь.

— Я пытаюсь тебя защитить.

— От правды?

— От людей, которые сделают всё, чтобы она не вышла наружу.

Елизавета посмотрела на Андрея.

Он стоял неподвижно, но теперь слушал каждое слово.

— Кто приходил к тебе?

— Не спрашивай.

— Это был Тарасов?

Мать промолчала.

— Мама.

В трубке раздался короткий всхлип.

— Они знают про центр.

— Что именно?

— Что без денег фонда ты не сможешь его сохранить.

— Это сказал человек, который приходил?

— Лиза, остановись.

— Он сказал, что фонд заберёт финансирование?

— Не только финансирование.

— Что ещё?

— Здание.

Елизавета замолчала.

Центр

располагался

в

бывшем

санатории, реконструированном пять лет назад. Земля

принадлежала городу, часть помещений — благотворительному фонду, часть оборудования была приобретена на гранты. Договоры занимали два шкафа в её кабинете, и до этого утра она была уверена, что знает каждую строку.

— Фонд не владеет зданием, — сказала она.

— Виктор Аркадьевич говорил твоему отцу, что всё можно оформить по-разному.

— Отец умер девять лет назад.

— Документы остались.

— Какие документы?

— Я не знаю.

— Мама, что подписал отец?

Связь оборвалась.

Елизавета позвонила снова.

Телефон был выключен.

Она положила его на стол.

— Это привычка у нас семейная.

— Что именно? — спросил Лавров.

— Заканчивать разговор, когда начинается правда.

Он забрал телефон и записал время звонка.

— Ваша мать подтвердила угрозу центру.

— Она ничего не подтвердила.

— Сказала, что фонд может забрать здание.

— Это не уголовное дело.

— Зависит от того, как именно они собираются это сделать.

— Договоры находятся у меня.

— Все?

Елизавета хотела ответить сразу.

Не смогла.

Перед глазами возник отец. Его письменный стол. Толстая папка с договорами, которую он однажды закрыл, когда она вошла в комнату. Тогда Елизавете было двадцать семь, она только начинала работать в реабилитации и почти не интересовалась финансовыми соглашениями.

После его смерти мать разобрала документы сама.

По крайней мере, так она говорила.

— Я проверю, — сказала Елизавета.

— Не одна.

— В моём кабинете находятся документы моего центра.

— В вашем кабинете вчера оставили папку, пока всё здание было открыто.

— Теперь там охрана.

— Вчера она тоже была.

— Не напоминайте.

— Тогда не заставляйте меня повторяться.

Он подошёл к двери.

Только теперь Елизавета заметила, что Андрей двигается медленнее обычного.

Сначала ей показалось, что он просто устал. Они почти не спали, несколько часов провели в старой больнице, потом возле квартиры Анны и в генераторной.

Но дело было не только в усталости.

При первом шаге он перенёс вес на правую ногу. Лево́й коснулся пола осторожно, почти незаметно, и сразу выпрямился, будто тело совершило движение без его разрешения, а он тут же его исправил.

На втором шаге это повторилось.

— Остановитесь, — сказала Елизавета.

Лавров обернулся.

— Что?

— У вас болит нога.

— Не болит.

— Тогда вы всегда так ходите?

Он посмотрел на дверь.

— Иногда.

— После нагрузки?

— Вы сейчас врач или свидетель?

— Врач.

— Тогда я не ваш пациент.

— Это не отменяет хромоту.

— Я не хромаю.

Елизавета подошла ближе.

— Левая стопа почти не участвует в перекате. Колено вы фиксируете раньше, чем переносите вес. И последние пять минут держите левую руку возле стены, хотя ни разу не оперлись.

Андрей посмотрел на свою руку и убрал её.

— У вас профессиональная деформация.

— У вас старая травма.

— Тоже верно.

— Какая?

— Не относится к делу.

— Если вы упадёте в моём центре, будет относиться.

— Не упаду.

— Все так говорят.

Он открыл дверь.

— Мне нужно проверить, куда уехал Тарасов.

— А мне нужно, чтобы вы хотя бы десять минут не изображали человека, у которого нет тела.

Лавров остановился.

Впервые за всё время она увидела в его лице не спокойствие и не внимательность.

Раздражение.

Настоящее, живое.

— Я ничего не изображаю.

— Тогда почему скрываете боль?

— Потому что она проходит.

— Когда?

— Когда я отдыхаю.

— Вы отдыхали?

— Нет.

— Значит, не проходит.

— Елизавета Дмитриевна...

— Сядьте.

— Это распоряжение?

Она вспомнила, как он говорил с ней у дверей центра в первую ночь.

— Рекомендация.

— Тогда я её слышал.

— И проигнорируете?

На этот раз он почти улыбнулся.

— Скорее всего.

Через двадцать минут Елизавета увидела его во дворе.

Метель ослабла, но снег продолжал падать — крупный, медленный, уже не похожий на ледяную стену прошлой ночи. Машины на парковке превратились в белые холмы. Дворник расчистил узкую дорожку от входа до ворот, однако новый снег успел покрыть её тонким слоем.

Лавров стоял возле тёмного автомобиля, опираясь на трость.

Не больничную алюминиевую, какие выдавали пациентам после операций. Трость была чёрной, складной, с простой деревянной рукоятью. Он достал её из багажника и теперь проверял наконечник, прижимая к снегу.

Елизавета остановилась под козырьком.

Андрей поднял голову.

— Только не говорите, что случайно вышли подышать.

— Я увидела из окна, что вы собираетесь уехать.

— Собирался.

— Куда?

— Проверить алиби Тарасова.

— Вы только что едва дошли до лестницы.

— Поэтому взял трость.

Он произнёс это без смущения, будто спор в кабинете уже закончился.

Елизавета спустилась по ступеням.

— Дайте посмотреть.

— На что?

— На походку.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я знаю, что вы скажете.

— Тогда сэкономим время.

Лавров закрыл багажник.

— Я не собираюсь проходить обследование на парковке.

— Хорошо. Вернитесь в центр.

— Там вы захотите провести его в кабинете.

— Разумеется.

— Поэтому я останусь здесь.

Елизавета перевела взгляд на его левую ногу. Под брюками невозможно было увидеть следы травмы, но положение стопы выдавало ограничение движения в голеностопе. Когда Андрей переносил вес, плечо едва заметно опускалось.

— Перелом голени? — спросила она.

— В том числе.

— Таз?

Он молчал.

— Позвоночник?

— Компрессионный перелом двух позвонков. Повреждение таза. Левая голень. Несколько операций.

— Когда?

— Четыре года назад.

— Машина?

— Да.

— Вы были за рулём?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.